

Кирилл Берендеев

Анна Райнова

The background of the cover is a detailed illustration in a classical style. It depicts a woman with long, flowing red hair, wearing a yellow gown with gold floral patterns, leaning over a stone wall. She is looking towards a man in full medieval armor, including a helmet and chainmail, who is holding a long pole. In the background, other soldiers and flags are visible within a stone-walled enclosure.

Безымянный замок

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Кирилл Берендеев

**Безымянный замок.
Историческое фэнтези**

«Издательские решения»

Берендеев К.

Безымянный замок. Историческое фэнтези / К. Берендеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854084-4

Молодой оруженосец Мечислав, ставший невольным виновником смерти княжича Казимира, по приказу убитого горем отца отправляется далеко на север, через воюющие меж собой польские княжества, к Балтийскому морю. Там, в Безымянном замке, окутанном жуткими легендами, живет могущественный владетель, презревший законы земные и небесные и простерший свою власть на сотни миль окрест. Он единственный, кто способен исцелить отцовское горе. Но какую цену запросит чернокнижник за воскрешение княжича?

ISBN 978-5-44-854084-4

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Безымянный замок	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Безымянный замок Историческое фэнтези

**Кирилл Берендеев
Анна Райнова**

Корректор Павел Амнуэль

Корректор Сара Бергман

© Кирилл Берендеев, 2019

© Анна Райнова, 2019

ISBN 978-5-4485-4084-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Филипс Вауэрман «Суда, тонущие в бурных водах»

Средневековье для нас, жителей нового времени, давно превратилось в века, овеянные мрачными легендами, жуткими сказаниями о дикарских нравах, о тысячах невинно сожженных, о великих нашествиях и страшных эпидемиях. Столетия, прошедшие с падения Рима, слились в темное время, которое кончилось лишь с приходом благородных мужей эпохи Ренессанса, которые своими познаниями отринули душивший мир каменную скрижаль догматов веры, чтоб построить справедливое, достойное общество, подобное тому, которое описывал Платон, и где не свирепствовали ни чума, ни Торквемада.

Но только большая часть этих историй – легенды, сочиненные в последующие века, и видоизмененные по нравам и обычаям викторианской поры. История и культура давно ушедших времен не проста для понимания нынешних поколений, она кажется и смешной и страшной, несуразной, будто придуманной пришельцами с другой планеты.

Отчасти это так. Одна цивилизация сменила другую, миг изменений пал всего на одно-два поколения, обрушение прежних, незыблемых в течении веков, жизненных укладов случилось столь быстро, что сыны новых времен не могли поверить в жите и поступки собственных отцов. Что далеко ходить, через двадцать пять лет после падения СССР мы, жившие в нем, едва не поголовно воспринимаем его как скопище мифов и легенд, не то прекрасных, не то ужасных, но в любом случае, как нечто совершенно иное, пришедшее из неведомого мира, в котором жили не то морлоки, не то элои.

Меж тем большую часть легенд о Средневековье надлежит разрушить хотя бы для того, чтобы понимать, как и чем жили тогда простые и знатные люди в самых разных странах. И когда свет истины проливается на тьму восторгов и презрений, взору предстает удивительная картина. Небольшой раздробленный мирок вдруг обзаводится прочными, надежными связями, а моря и дороги заполняются бесчисленными кораблями и караванами, торопящимися из порта в порт, из города в город. Ганза на севере и Венеция с Генуей на юге с давних времен прокладывали маршруты для товаров и путешественников; как странно слышать о том, что венецианские нефы перевозили еще в двенадцатом веке не только и не столько пшено или мрамор, сколько пассажиров: ремесленников, пилигримов, монахов, знатных дам и их кавалеров или прислугу. Что суда строились с расчетом на обустройство в каютах до тысячи пассажиров. Что большинство посадского населения знало грамоту. Что карантин был выду-

ман не в Англии шестнадцатого, а в Венеции двенадцатого века, державшей на рейде корабли две недели – период инкубации чумы, охватившей тогда север Италии. И что порох изобрел не монах Шварц, а первые пушки в Европе появились задолго до его рождения.

И на этом фоне уже не так странно воспринимаются открытия братьев Поло, отправлявшихся в Африку и далее в Китай. Да, тогда твердо знали о круглой Земле и пользовались компасами – не магнитными, но солнечными. Не пугались затмений, но пользовались календарями для них. Но и как и мы сейчас, верили в невероятное, считая его частью обыденного, скрывающегося совсем рядом от дома, за околицей, за каменными стенами. Именно там, как мы верим и поныне, водятся не то драконы, не то чупакабры, не то псоглавцы – одного из которых крестили, а затем и возвели в ранг святых. Мир и тогда и сейчас был пронизан магией, и так же делил ее на два сорта. Постижимую и разрешенную вседержавной Церковью и непостижимую, а потому запретную.

И если тогдашняя церковная магия теперь нам кажется жестоким бременем, под чьей тяжестью гибли выи и простецов и знати, то в самом Средневековье верой в господина и святых подвижников и праведников его была пронизана самая жизнь человека. Это трудно понять, и еще труднее представить, ибо не с чем сравнивать. Но та вера как и нынешняя, усеченная и порезанная ответвлениями, давала все те же свободы вероисповедания чужеземцам, где без них, без арабов и мавров, Европа потеряла собственное прошлое, варварски уничтоженное не сколько гуннами и вандалами, сколько раннехристианскими святыми государями. И когда Крестовые походы стали рутиной, важной лишь во внутренней политике, стало возможным открыться давно потерянному – стихам Горация и трактатам Геродота, трагедиям Софокла и комедиям Аристофана. Светская культура, передаваемая из рук в руки монахами разных стран и вер, а с ней и наука, создаваемая и распространяемая теософами от Роджера Бэкона до Парацельса, постепенно открывались миру. Художники не просто заново открывали трехточечную прямую перспективу, взамен иконописной обратной, но и покушались, как Джузеппе Арчимбольдо, на абстрактную живопись. Поэты создавали новые размеры, философы укореняли новые языки. В том мире люди общались в путешествиях на общепринятой латыни, носили примерно одинаковые одежды, праздновали одни праздники. Но уже тогда непогрешимость Церкви стала объектом насмешек вагантов и скоморохов, и хотя сил ее еще хватало на отлучение государей от власти, на запрещение пороха, ибо он пах серой, на гонения ученых, все одно, устоявшийся мир оказывался вовсе не таким, каким мы его привыкли воспринимать. Он был гораздо сложнее и многограннее и уж точно не замазывался оттенками серого, как грязь под ногтями.

Но отчего вышло, что историю Средних веков мы знаем лишь по рассказам века последующего? Видимо, в нем все дело. Ведь гонения на ведьм тех времен покажутся сущей забавой после распространения по обоим полушариям пособия «Молот ведьм», поставившего сожжения и линчевания обвиненных в колдовстве на поток. А Крестовые походы увертюрой перед тотальным геноцидом Месоамерики, Африки и Австралии испанцами, бельгийцами, англичанами, французами, португальцами.... Европейцы выхлестнулись за пределы обжитого мирка, чтоб как прежде них арабы, гунны, татары, завоевать себе новые земли, подальше от осточертевшего отечества. И если прежде в войнах религиозных или торговых их сдерживала сила иных народов, то к середине шестнадцатого века освоенные технологии оказались несравнимыми – новый поход принес богатства разоренных континентов и десятки миллионов рабов.

Корни и технологического и нравственного взрыва, несомненно, гнездились в Средних веках, но их развитие сковывали и религиозные нормы католической церкви и не менее боевитые соседи и даже сама география. Однако со временем внутренние противоречия нарастали, церковь дала трещину, распадаясь на множество ветвей и сект, как в самом начале своего существования, светское общество, окрыленное победой, принялось переосмысливать культуру и обычаи, наука пришла в помощь новым правителям, создателям подконтрольных

религий, технологии совершили огромный рывок, накопившийся за времена повальных запретов. И удержать выплеск оказалось и невозможно и некому. А пока устанавливался новый нравственный закон, первым пришло отрицание прежних догматов. Старой жизни как таковой, где прежние поколения, старательно тушевались черным, их недостатки гиперболизировались, а достоинства осмеивались – отчасти и для того, чтоб прикрыть свои неблагонравные деяния. С течением времени Средние века превращались в удобный миф, который к веку девятнадцатому обрел очертания истины.

Нам пришлось заново искать пути в то время, осмысливать и постигать особенности быта и норм тогдашнего общества. Это интереснейшее из путешествий мы совершили, перелопатив изрядное количество источников, от современных до тогдашних. И поняли, насколько удивителен был мир четырнадцатого века, о коем и решились рассказать.

Почему именно Польша и именно того времени? Две основных причины заставили нас сойтись на ней: интереснее всего рассказать о славянском государстве, не попавшем под влияние других держав, не ставшей автономией в составе Орды, как это произошло с Русью. Можно конечно, взять выбрать доордынскую историю, но она и без нас весьма хорошо описана во множестве романов, мы решили выбрать момент истории, нам знакомый, но и не слишком расхожий, как Столетняя война или Реконкиста, и главное, не чуждый нашей культуре. И я, и Аня читали знаменитый роман Генрика Сенкевича «Крестоносцы», неудивительно, что мы решили не отходить далеко от оригинала, лишь отодвинулись в своем сочинении на полвека назад, во времена усобицы, для удобства вклеивания в раздробленную Полонию своего княжества. Так появилась Нарочь и ее окрестности, нарисовался путь новоиспеченного рыцаря Мечислава через Мазовию и Мазурию к Безыманному замку.

С самим замком вышла история отдельная. Некогда, лет двадцать назад, я увидел удивительный сон, в котором как раз и фигурировала эта твердыня. Тогда еще я попытался набросать черновик повести, но, увы, не срослось. Еще несколько раз я пытался подобраться к ней самыми различными путями, но всякий раз отступал. А потом, в одиннадцатом году, предложил идею Ане. Она согласилась без колебаний, так что вскорости, набросав в качестве основы героев и окружение, места и времена, перелопатив гору самой разнообразной литературы, мы двинулись в путь.

Усобица рождала в Польше удивительных людей, величественных или ничтожных правителей, пройдох и славных рыцарей, о которых до сих пор живы легенды. Ничего удивительного, что мы с головой ушли в историю тех мрачных, но достойных времен, где низость странным образом уживается с возвышенными идеалами, а подлость одних компенсируется силой духа и порядочностью других. Так, собирая образы из осколков, мы начали создавать свой мир, немного отличающийся, конечно, от подлинной истории Польши, но с тем небольшим зазором, куда можно вместить и маленькое княжество на шляхе между Краковом и Варшавой, и замок и колдуна, живущего вот уже не одно столетие в нем, и удивительных существ, окрест этой твердыни у самого моря.

Конечно, в своей работе мы лишь прикоснулись к тому времени, краешком рассказали обо всем, что узнали и смогли, в силу течения романа, поделиться с читателями. Старались, конечно, не начудить и не наваять артефактов, вроде картофеля на столе харчевни или обоживевших шляхтичей, запамятававших как выглядит баня. Последнее – одна из очень прочно укрепившихся легенд о Средневековье, удивительным образом сохранившаяся и в наше время. Но придумана она была в конце Возрождения, когда ученые мужи Европы, узрев, что в банях можно легко подцепить самые разнообразные заболевания, посчитали, что вымытое тело, расширяя поры, захватывает с куда большей легкостью болезнетворные организмы, нежели тело грязное – о болезнетворных бактериях, понятное дело, тогда еще не ведали. А потому в моду пошло воздержание от ванн, так характерное для изящного семнадцатого века, времен Людовика, короля-солнца, гнавшимся за новыми открытиями в медицине, столь же рьяно, как

за новыми веяниями в моде. Больше века продержалось это заблуждение, и как и любое, пустило глубокие корни в прошлое, прикрывая собственные ошибки. Так что и рацион питания и одежду и образ жизни и верования людей четырнадцатого века мы постарались передать с точностью, что дало нам еще немало поводов к любопытным поворотам сюжетной линии. Ибо так уж повелось, что точное следование исторической справедливости рождает в уме хитроумные варианты, связанные с порой незначительными открытиями. А их, этих открытий, в тексте немало.

Но не обошлось и без некоторой дани уважения устоявшимся легендам. Так, я хотел использовать в тексте порох, как известно, завезенный в Европу маврами еще в седьмом веке, в те времена им разрушали крепостные стены, делая подкопы, а уже начиная с века одиннадцатого появились первые пушки, палившие по пехоте противника железными ядрами, размером с шарик для пинг-понга. Ватикан немедленно запретил использование пушек христианами, как оружия негуманного, вот так же, как за пару веков до того, выпустил буллу против арбалетов, но ничего не помогло, в армиях появились новые средства борьбы с противниками, а первое пушечное сражение в Европе случилось при захвате немцами Ломбардии в начале четырнадцатого века. Аня отклонила использование не только пушек, но даже пороха в романе, и по причине пока еще немногочисленности артиллерии, и как дань уважения легенде о Бертольде Шварце.

За этим маленьким реверансом последовали и другие, правда относящиеся к области запретной магии. Мифические существа, описанные нами в романе, списаны с легенд путешественников в далекие земли того времени, а чернокнижник – правитель Безымянного замка, – так же имел вполне конкретный образ, пускай и довольно собирательный по времени. Вместе с ним в роман шагнуло и наше собственное изобретение – черная записная книжка, управляющая замком и местностями окрест него. Впрочем, это другая история, до которой вы несомненно доберетесь, начав читать первые главы.

Нас часто спрашивают, как же мы, живя не просто в разных городах, но разных странах, умудрились выписать что-то совместное. А все очень просто. Технологии нашего века, казавшиеся чем-то колдовским, немыслимым еще лет сорок назад, что говорить о Средневековье, сделали возможным обсуждение перипетий сюжета в режиме реального времени. Мы имели возможность общаться по видеосвязи, и именно таким образом общаясь, придумать, очертить границы, и постепенно написать роман, да и не только его. Все тексты, подписанные нашими именами, рождались сперва как идеи в одной голове, постепенно находили отклик и понимание в другой, и развиваясь, отталкиваясь от сходных мыслей, перерастали в законченный текст. Мы и писали, как будто находились рядом: понемногу, по мере развития фантазии, пока поворот сюжета не забуксует у одного, и тогда у другого будет возможность подхватить и продолжить – при этом непрерывно советуясь, давая подсказки, уточняя и согласовывая общий путь. Перечитывая сейчас «Безымянный замок», я и сам удивляюсь, как у нас вышло сшить из двух стилей, весьма разных, что у меня, что у Ани, один, отличный от любого нашего, но подходящий под общее повествование. Видимо, ответ на эту загадку история нам не даст. Ну да пускай это останется нашей общей тайной.

На этом я и хочу закончить предисловие и отпустить, вас, читатель, в путешествие по дорогам далекого прошлого, в котором, как в зеркале, отражается настоящее.

Приятного вам прочтения!

Искренне ваши, Кирилл Берендеев.

(в оформлении обложки использована картина Эдмунда Блейра Лейтона «Бог в помощь!»)

Безымянный замок

Джон Уильям Уотерхаус «Ламия и воин»

Глава 1

Не к добру в такой день встретить проклятого немца...

Утро началось величаво. Едва в южный неф проникли первые лучи дня Преображения Господня, заря, занявшись розовым, запылала в витражах храма Непорочного зачатия, рассеяв сумрак внутри. Только алтарь и жертвенник, со сложенным на нем оружием, оставались темны и тихи, равно как и коленопреклоненный юноша, негромко читавший канон, столь сильно увлеченный молитвой, что будущий рыцарь даже не заметил смены ночи и утра.

А очищенное от облаков небо уж наполнилось светом. Солнце поднималось все выше. Лучи его, проникнув сквозь витражи, медленно прошли по стене, затем коснулись притвора, у которого стоял оруженосец, расслабленно привалившийся к дверям. Яркий свет добрался до его лица, Мечислав вздрогнул и поднял голову. Он заснул, в самом деле, заснул? – и украдкой глянул на Казимира, по-прежнему читавшего канон, стараясь понять, видел ли названный брат его постыдную слабость. Сердце оруженосца часто забилося, щеки запылали. Но заслышав шорох шагов, он вскинулся и вытянулся в струнку, проснувшись окончательно: в храм вошел старый Одер, с ним еще несколько рыцарей из княжеской дружины. Едва слышно поприветствовав оруженосца, они окружили молящегося, подняли его с колен – Казимир только сейчас очнулся – и повели прочь из храма.

Мечислав смотрел на княжича, пытаясь пересечься с ним взорами, но тщетно. Казимир не успел обернуться, вроде собрался, но дверь за ним захлопнулась раньше. Когда оруженосец снова открыл ее, названный брат был уже далеко, у самой бани, где ему предстояло омыть тело и облачиться в белоснежные одежды. А Мечиславу следовало ждать возвращения новика в базилику, где и состоится церемония посвящения.

Он вышел во двор: простецов уже прибыло преизрядно, – будет еще больше, последние месяцы были бедны на праздники. Если не считать нескольких публичных казней как раз перед Троицей. Но это не то, совсем не то.

Сейчас же народ подходил в приподнятом настроении. Жители Нарочи и всех столичных окрестностей вплоть до самых глухих крестьянских дворов, отдаленных от княжеского замка на десятки миль¹ приходили наряженные в самые дорогие одежды, какие только могли сискаться среди их нехитрых пожитков.

Ведь о дате посвящения в рыцари сына князя Богдана Справедливого стало известно еще на Пасху. Князь сам огласил избранный день и обязал глашатаев повторять об этом каждую неделю, с тем чтобы всякому в его владениях стало известно о торжествах, и все, кто хотел, могли поприветствовать новопосвященного рыцаря, кто подношениями, а кто громкими криками и подбрасыванием шапок.

Потому в Нарочь стали собираться загодя и важные гости, и те, что поплоче. Ехали обоими из самых разных мест, прибывали за две, а то и за три недели в самый разгар страды. Уже ко дню святой Анны прибыли первые гости, а за неделю до Преображения в палатах стало тесно.

Замок стал гомонящим, суетливым, потерял былое величие и размеренность, превратившись в подобие ярмарки, что обыкновенно проходила в Нарочи на день святого Варфоломея, когда столь же шумные толпы прибывали в столицу из разных мест торговать и обмениваться новостями. Не был исключением и город, куда стекалась шляхта со всего княжества, а то и из соседних Мазовии и Польши. В тот день господарь приглашал лучших менестрелей и вагантов, устраивая гуляния для подданных, с пирами, играми и гульбищами, а равно тур-

¹ Здесь и далее речь идет о римских милях, равных примерно 1,5 километрам.

ниром на знаменитом ристалище в Старом Граде, где рыцари могли посостязаться в удали, обрести славу и почет.

На день святого Варфоломея назначен и первый турнир для нынешнего новика, Казимира. Сейчас его купают и одевают во все белое.

Мечислав прошел от врат базилики к палатам. Крестьяне и кузнецы, холопы и подмастерья кивали ему, кричали приветствия. Предвкушая незабываемое зрелище, толпа заводила сама себя. День обещал быть волнующим от рассвета, когда над новиком сверкнет меч князя, и до заката, с его пиром на весь мир, музыкой и танцами заполночь.

На пустые приветствия оруженосец не ответил, старался держаться особняком. Впрочем, как и всегда. Ведь Мечислав был первенцем в семье небогатого шляхтича. Из-за постоянного безденежья в тринадцать лет был отослан ко двору Богдана Справедливого на учение и воспитание. К тому времени он уже понимал, что нынешнее звание оруженосца скорее всего останется с ним навсегда. Отец, хоть и гордился своим происхождением, однако давно лишился всех прежних владений и, отдав в приданное за младшей дочерью Мирославой, после рождения которой отправилась к праотцам его жена, последние серебряные денары², сам служил десятником. Вельможный муж Мирославы оказался пустышкой, лишь на речах хвастал богатствами. А значит, только случай может позволить Мечиславу стать рыцарем, о чём он мечтал с самого детства. Скажем, война: с немцами, литовцами, руссами, татарами, – неважно. Ведь только там, на поле боя, он может, показав истинную доблесть, рассчитывать на милость князя.

В нынешнее время раздоров, вот уже больше столетия терзавших Полонию, это самый верный способ добиться почета и уважения, достатка и славы. И не только шляхтичу, случалось, в Крестовых походах и простолюдин, показав чудеса геройства, получал от государя герб и девиз.

А потому он готовился к этой возможной войне. И пусть ему плохо давались науки, в ратном деле равных Мечиславу не сыскивалось. Овладев техникой конного боя на длинных мечях и турецких саблях, он стал мастером и пешего боя на коротких мечях, шестоперах и моргенштернах³. Только однажды позволил противнику свалить себя – когда впервые увидел Иоанну.

Вот и сейчас, стоило ему вспомнить тот случай, девушка, будто услышав его мысли, вышла из врат главной башни замка, где находились ее покои, одетая в алый плащ и узкое зеленое платье прихваченное на талии серебряным поясом с княжеским гербом, изображенным на пряжке: поваленный дуб и двойной крест над ним. Любезно поздоровавшись, Иоанна спросила о Казимире. Мечислав молчал, не сводя с нее глаз.

Сам не понимал, что с ним происходит, когда он встречается с Иоанной, невестой названного брата. Странное, словами необъяснимое. Вроде ничего особенного: худая и бледная, с блеклыми чертами лица, – княжна брала иным, внутренним сиянием, в которое можно вглядываться бесконечно. Видно, этим же привлекла и Казимира, ведь поначалу тот встретил невесту холодно и отстраненно. Да и Мечислав не мог представить их вместе. Ведь Иоанна согласилась на этот брак, повинаясь воле отца, варшавского князя Анджея, чей герб – белый лев, поднявшийся на задние лапы, – вышитый шелком, украшал левую грудь её платья. А Казимир... странная история.

– Мечислав, так я могу его увидеть?

Молодой человек встряхнулся, расслышал, наконец, обращенные к нему слова и произнес:

– Ещё нет, он готовится к выходу.

² Денар или денарий – основная разменная монета, чеканенная в польских княжествах в период с 14 по 16 века.

³ Род оружия – усеянный шипами железный шар, подвешенный за цепь на короткую палку.

– Хорошо. Я буду ждать в базилике. – Она оглянулась на свою свиту. Девушки застыли на почтительном расстоянии, дожидаясь пока госпожа закончит беседу. Мечислав кивнул, но дурман развеялся лишь когда процессия добралась до ворот храма.

Наваждение, а иначе он не мог объяснить, отчего при виде Иоанны замирает, бледнеет или краснеет, не в силах ответить складно ни на один вопрос девушки. Ведь он любит другую, сам так сказал отцу еще три года назад, нет, уже четыре, когда волею судеб попал в Бялу; Казимир тогда занемог и остался дома под присмотром придворного лекаря. Там, на турнире по случаю Успения Богородицы, юный оруженосец заметил на галерее прекрасную Эльжбету, дочь богатого купца. Девушка показалась ему затерявшимся среди смертных ангелом. Он мог поклясться, что от её лица исходил небесный свет, заставляя горячее молодое сердце сжиматься в немой истоме, покуда девушка не скрылась в разномастной яркой толпе.

Разузнав у местных служек про белолицую панночку в золотом платье, он выпросил у Одера – родного дядьки Казимира, оруженосцем которого Мечислав служил все годы учения, – трёхдневную отлучку и поехал к отцу.

Услышав признания сына в любви к безродной, но богатой девушке, тот поспешил в Бялу. Купец принял неожиданных гостей с должным почтением, после недолгих переговоров пожелал оплатить жениху доспехи и коня. Ведь древний род семьи Мечислава шел от самого Лешка Первого. Жених, несмотря на бедность, королевских кровей, негоже в оруженосцах ходить.

Отцы ударили по рукам, договорившись, что обряд венчания назначат сразу после посвящения Мечислава в рыцари. Невесте едва исполнилось двенадцать, и она воспитывается при монастыре.

Будущие супруги так и не увиделись: Эльжбета осталась под покровительством кларис-синок в монастыре близ Бялы, а Мечислав вернулся в Нарочь.

По прибытии в столицу он показал Казимиру портрет наречённой. А княжич всем сердцем полюбил изображение, в чём сразу признался брату. Секретов меж ними не было. Недалом, чуть повзрослев, они поклялись друг другу в вечной верности, обменявшись короткими мечами.

Ради счастья Казимира Мечислав хотел отказаться от притязаний на невесту. Но княжич, с детства обручённый с Иоанной, знал: отец не позволит ему сочетаться браком с простолюдинкой. Нарушить слово не посмел и оттого страдал и мучился. Однако продолжал видаться с Иоанной под присмотром ее наставницы и постепенно к ней привязывался. Ведь стоило княжне начать говорить, бледное лицо озарялось неземным свечением, а когда она улыбалась, на впалых щеках появлялись очаровательные ямочки. А ещё дурманивший голову запах ромашек, исходивший от её волос. Его так и хочется вдыхать бесконечно.

С годами образ прекрасной Эльжбеты перестал волновать Мечислава. С каждым днём его все сильнее тянуло к Иоанне. Против собственной воли, против чести и даже искренней любви к Казимиру.

Он огляделся по сторонам, гоня запретные мысли, и вошел в свою комнату. Принялся переодеваться, нарядился в белоснежное полукафтанье с золотой оторочкой, поверх него нацепил пояс с романским мечом Казимира в отделанных слоновой костью ножнах. Едва закончил, услышал колокольный перезвон, а затем и трубы, ознаменовавшие выход новика из покоев.

Досадуя на свою медлительность, Мечислав ринулся к базилике; Казимир уже вышел на двор; гвалт, рукоплескания и подброшенные шапки сопровождали его на дороге к храму. Княжич ступал, высоко поднимая голову. Его одели в белоснежную льняную рубаху, полукафтаны, вышитый золотыми львами и грифонами, шелковые чулки и башмаки. Поверх полукафтаны накинули пурпурный плащ; в этом одеянии Казимир казался цветком лилии осыпанным лепестками роз. Лицо его, чуть бледнее обычного, выражало спокойствие и готовность предстать пред рыцарем Господним, дабы от него принять благословение и принести клятвы Всевышнему.

Мечислав смотрел на него во все глаза. Крики стихли, никто не мог отвести взгляд от прекрасного юноши. Нежданно напавшие в первых рядах пали перед княжичем ниц. За ними последовали и остальные. Коленопреклоненные шептали молитвы, одновременно плача и смеясь в экстатическом единении с новиком, явившем грешному миру божественный символ союза земного и небесного.

Разноголосый гомон возвысился, прокатился над толпой и затих. Даже выдавшие виды рыцари, сопровождавшие новика, не могли сдержать слез и замедлили шаг.

Казимир отдалился от них и первым ступил на порог притвора базилики. Солнце блеснуло в его льняных волосах, осветило пурпур плаща, и тотчас Казимира накрыла тень: он вошел в открытые ворота. Следом поднялись сопровождающие, туда же поспешил и Мечислав, стараясь не отставать от князя Богдана и его многочисленной свиты.

Много вельможных гостей собралось в храме – лавок на всех не хватило. Стояли в нефках, у стен и полуколонн притвора. Казимир перекрестился на потемневшее от времени распятие, висевшее над головой отца Григория, духовника князя Богдана, готовящегося совершить ритуал. Но прежде началась торжественная месса. Княжич преклонил колено перед епископом и поклялся служить во славу Господню и словом и делом. Этот момент впечатался Мечиславу в память, наверное, навсегда: коленопреклоненный Казимир и отец Григорий, благословляющий меч новопосвященного рыцаря.

Казимир поднялся, к его ногам уже привязывали золотые шпоры. Богдан Справедливый, за малый рост прозванный в народе Локотком, с великой благостью на суровом, исчерченном морщинами лице, вручил единственному сыну и наследнику родовое знамя и вслед за этим отвесил зардевшемуся отроку увесистую оплеуху, испытывая смирение новика. Казимир качнулся, но устоял.

По базилике прокатился стон, переходящий в ликующий крик. В нём, смешавшись с остальными, потонул голос возрадовавшегося Мечислава, сразу поспешившего к выходу, памятуя об обязанностях оруженосца Казимира.

Удивительно, но путь очищался сам собой, народ расступался с почтительными поклонами. Он уже почти достиг палатки, как вдруг налетел на нищего, закутанного в грязное рубище. Мечислав занёс руку, стараясь убрать с дороги неожиданное препятствие. Нищий обернулся. Перед глазами мелькнуло изборожденное шрамами безухое лицо.

Удо! Не к добру, ох, не к добру в такой день встретить на дороге проклятого немца. Мечислав прятнул в сторону, три раза сплюнув через плечо – узкие, точно щели, глаза германца следили за каждым его движением, – перекрестился и пошел в обход.

У палатки его ждали, а потому, мгновенно позабыв о неприятной встрече, он торопливо оглядел взнузданного, сверкавшего на солнце золочёной сбруей вороного коня княжича. Пошевелил простое, без высокой луки, седло.

Приветственные крики становились всё громче, сообщая о приближении шествия.

Кивнув конюхам, Мечислав ринулся в шатер, проверил, что недавно склепанную лёгкую бригантину приготовили к облачению. Выскочил и вытянулся перед приближавшимся шествием. Казимира вели под руки отец и дядька Одер. Поклонившись, Мечислав старательно зашнуровал и затянул плотно легший на плечи княжича доспех, накинул поверх него шитое золотом и опушенное горностаем сюрко⁴ – так и не встретившись взглядом с глазами названного брата, пожелавшего при первом выезде остаться с непокрытой головой, – отступил.

Княжич поднялся в седло и, получив из рук Мечислава тупое копьё, впервые за день кивнул оруженосцу.

⁴ Плащ, надевавшийся на доспехи для защиты от солнца, а так же в торжественных случаях – как символ принадлежности к тому или иному ордену или княжескому роду.

Звуки труб разнеслись далеко за пределы Нарочи. Рыцарь пустил Бурку шагом, неспешно объезжая ристалище. Народ притих, тысячи глаз провожали новика. Казимир отыскал на верхней галерее Иоанну, остановился напротив невесты, и тут произошло совсем уж дивное: Бурка, до самой земли спустив увитую золотыми нитями и жемчугами гриву, поклонился будущей супруге хозяина. Тогда всадник пришпорил коня и помчался к расставленным полукружьем чучелам, изображавшим семь смертных грехов. Он должен поразить их всех по очереди в качестве первого испытания в звании рыцаря.

Мечислав затаил дыхание. Копьё Казимира ударило в самый центр прикреплённого к чучелу глиняного щита с изображением надутого, распустившего хвост павлина и надписью *Superbia* (гордыня), отчего щит, разлетевшись на куски, рухнул наземь.

Взревели трубы, зрители ахнули, а разряженные в яркие одежды герольды возвестили первую победу.

Казимир отъехал подальше и замер, нацеливаясь на нового врага. Щит, прикрывавший соломенное чрево, на сей раз изображал змея, олицетворявшего зависть.

Норовистый Бурка ринулся на врага. Казимир сросся с седлом, наводя оружие на цель.

Что произошло в следующий миг? Одни потом говорили, что конь вступил в незаметную глазу яму, другие, что взбрыкнул, испугавшись змея. Лошадь шарахнулась вбок, рыцарь невольно отклонился и с размаху ударился головой о столб, в который он целил копьем. Седло под ним съехало. Казимир рухнул в траву и больше не шевелился.

Тяжкий стон пронесся над ристалищем. Собравшиеся глядели на поверженного рыцаря, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть. Потом в ужасе повскакивали с мест, вглядываясь в происходящее на поле. Кто-то истошно закричал. Бурка, до этого топтавшийся у распростёртого тела хозяина, испуганно поднялся на дыбы, потянув за собой распростертого на земле хозяина.

Мечислав первым бросился на помощь. А когда подбежал, общее оцепенение внезапно сошло – к Казимиру спешили со всех сторон. Торопливо отрезав удила, Мечислав утихомирил Бурку, передав его первому же конюху, сам упал на колени рядом с названным братом. Залитая кровью голова княжича беспомощно запрокинулась, в его остекленевших глазах застыло жаркое иссушенное августовское небо.

Глава 2

Да будут препоясаны чресла твои...

Копыта светлогривого Серко уныло месили размытую вчерашней бурей холодную осеннюю жижу. Древний лес, лишенный хоженных тропинок, всё теснее обступал одинокого всадника, сиротливо кутавшегося в подбитый соболями плащ. Усталый путник, лишь единожды за день остановился дать отдых коню. Наступавшие сумерки завершали промозглый день леденящим вечером. Ветер стих, остановленный пологом леса, но холод, сковавший сердце в день гибели Казимира, не давал согреться даже под теплым плащом.

Конь оступился на скользкой почве, а путник, получив тычок в плечо обломанной веткой, тихо застонал, откинул капюшон и огляделся. Перед его взором предстала небольшая поляна, освещенная исходящим неведь откуда призрачным сиянием. Тут ему, как всякому доброму христианину, пристало бы испугаться, прищипорить коня и бежать с нечестивого места, однако на измождённом лице странника промелькнула улыбка. Он спешил и подошел к могучим деревьям, поваленным бурей десятилетия назад. Стволы светились холодным, зеленоватым светом, сочившимся будто сквозь кору. Путник постоял недолго, оглянулся на коня и снял с пояса силки, заметив еще совсем мокрые заячьи следы на вязкой глинистой почве. Даст Бог, завтра будет добыча. Оглядел старую березу невдалеке, покрошил на тонкую ветку размоченный хлеб и набросил петлю с камнем на конце: если сюда сядет птица – веревка затянется.

Серко радостно запрядал ушами, когда хозяин повёл его к дальнему краю поляны, расседлал и стреножил, протерев суконкой взмокшие с дороги бока. Оголодавший конь тут же принялся жевать брусничный куст, чудным образом оставшийся зелёным в океане сереющей желтизны.

Сбросив плащ на землю, рыцарь принялся собирать хворост. Огниво высекло сноп искр. Языки пламени, быстро поднявшись по тонким веткам, дали вожаемое тепло. Пора было изжарить ещё утром добытую дичь, до вечера проболтавшуюся в перемете. Охота удалась на славу. На время тучи разошлись, избавив путь следования рыцаря от прогорклой мороси. Он смог подстрелить утку, а затем сбить вылетевшего буквально из-под ног жирного бекаса. Сегодня у него был завтрак и ужин. И, хвала Создателю, укрытая от промозглых ветров лужайка. Он выпится, не ожидая новых неприятностей от своенравной погоды северной Мазовии. Отдохнет и Серко, ему пришлось изрядно потрудиться, преодолев два десятка римских миль по болотистому бору.

Изжарив и съев бекаса, путешественник вонзил меч в землю и стал пред ним на колени, возблагодарив Всеблагое за кров и стол, а, отходя ко сну, вознёс молитву за упокой души названного брата. И уже совсем собираясь уснуть, вынул из-за пазухи золотой медальон, раскрыл его и долго вглядывался в образок Божьей Матери. А насмотревшись вдоволь вздрогнул и плотнее закутался в плащ.

Не одна неделя прошла, а успокоения нет как нет. Достаточно ощутить прохладу образка и, повинувшись непостижимому чувству, долго смотреть в его глубь и Мечислав возвращается в тот страшный вечер. Видит переходы и длинные коридоры замка, по которым он, едва держась на ногах, шел, точно в бреду, на каждом шагу натыкаясь на тёмные стены. Распятый, придавленный горем. Силился кричать, но крик застыл в глотке и он не мог издать ни единого звука. Мечислав ослеп и оглох, тело двигалось само по себе без цели и смысла. Внезапно ромашковый морок зашекотал ноздри, он разглядел впереди Иоанну и замер, пытаясь понять, явь это или тот же бред, что преследует его ещё с полудня.

Некоторое время они стояли молча. Мечислав поднял руку, не то, чтобы сотворить крестное знамение, не то чтобы коснуться Иоанны, он и сам не понял зачем. Девушка сняла с себя

образок и надела Мечиславу на шею. Отступила, опустив голову, не то пропуская его, не то страшась нового прикосновения, хотя и разминуться возможности не было – коридор очень тесный. Зашептала что-то одними губами. Он подумал, княжна обращается к нему, переспросил, а не получив ответа, прислушался. Она молила Господа спасти и сохранить тело его и душу от всех ненастий, страха ночного, стрелы, летящая во дни, и беса полуденного. Мечислав видел сверкающие в полутьме коридора глаза княжны и побелевшие губы, шепчущие и молящие.

В глазах потемнело, кровь ударила в голову. Он пошатнулся. В тот же миг наваждение сгнуло: Иоанна тихо произнесла: «Аминь!» – осенив Мечислава крестным знаменiem. Прильнула к нему на миг и исчезла, будто растворившись в замшелой кладке, оставив его наедине с колотящимся сердцем, ватными ногами и ворохом мыслей, непрошено полезших в голову. Если бы не медальон, крепко сжатый в ладони, Мечислав решил бы, что это очередное видение.

Он медленно побрел дальше, не узнавая коридоров замка. Ноги несли сами. Вот поворот, за ним балюстрада и лестница наверх, затем ещё поворот и арка. Несколько шагов вперёд и знакомый проход, если не считать странных песочных картин на стенах. Однако, как добраться до своего покоя, путаясь меж теней, Мечислав так и не понял. Пошатываясь, шел наугад, пока неведомым образом не оказался перед знакомой дверью. Замер, ощупал дерево, точно слепец.

Мимо прошмыгнул лысый приземистый служка. Удо? Не может быть! Ведь он пришел со стороны палат Казимира, он не мог, никак не мог... Не в силах сдерживаться, Мечислав зарыдал, а, войдя в комнату, упал на топчан и вжался, зарылся лицом в подушку. Медальон отпал от груди и затерялся в рубахе.

Мечислав вздрогнул, пробудившись, огляделся по сторонам. Да, он в глухом лесу, далеко от княжеского замка. Над головой – стылая ночь и до зари ещё далеко, а впереди долгий путь в неизвестность. Дыхание вырывалось из груди с тугими промежутками, словно он окунулся в ледяную купель. Будто все случилось только вчера, будто и не прошло долгих недель странствия. Он накрылся плащом с головой, поворочался, пытаясь заснуть. Вспомнил как в тот вечер вошел в базилику и увидел Иоанну, стоящую в траурном платье напротив алтаря, по левую руку князя Богдана. Вроде и рядом с ним, но невидимой преградой отгородившись ото всех. Мечислав замер на пороге, оглядывая притихшую обитель. Совсем как утром, подумалось ему, когда он задремал и очнулся от солнечного света. Даже алтарь по-прежнему тёмен, блеклых огоньков свечей не хватает, чтобы разогнать сгустившийся вокруг Спасителя сумрак. Как и избавить от тени тело того, кто, омытый и обряженный в последний путь, лежит подле старинного деревянного креста.

Мечислав вошел в базилику. Крадучись, боясь нарушить обуявшую присутствующих тяжкую тишь. Никто не пошевелился, даже взглядом не встретился с ним, словно Господь уже излил свой гнев на Содом, заставив скорбящих, обратившихся в соляные столпы, лицезреть последствия Его гнева.

Возле самого ложа стоял князь Богдан. Белое лицо, обращенное к сыну, гипсовым слепком, сторбленная фигура будто стала ещё приземистой. Правитель опирался одной рукой о мраморную плиту, на которой лежал его единственный сын, другую прижимал к сердцу. Подле застыли прислужники новика, дважды за этот день омывшие его тело: утром дабы он принял обеты рыцарства, а вечером дабы предстал пред Всевышним. У ближайшей скамьи, едва держась на ногах, тонкой ивушкой трепетала Иоанна.

Мечислав вздрогнул. Серко с шумом приблизился, ткнулся в плечо, не то ища поддержки во тьме густого леса, не то стараясь прогнать тяжкие видения хозяина. Молодой человек обернулся, спохватился, потрепал пышную гриву и покормил коня хлебом с солью, а после придвинулся ближе к костру, испускавшему редкие язычки догорающего пламени, подобно стоявшим подле одра свечам, трепещущим на холодном ветру.

Неясные тени ползли по стенам базилики, а нефы, куда не проникал их дрожащий свет, и вовсе казались непроницаемо чёрными. Умиротворённое лицо Казимира, выделяясь на окру-

жающем его пурпуре, казалось таким же просветлённым, как и утром, когда на нём играли солнечные блики. Если бы не тряпица, прикрывавшая рану на лбу, могло показаться, что княжич спит, утомлённый длинным днём. Отец Григорий тихо бормотал молитвы, а Мечислав всё ждал, что брат вот-вот поднимется, улыбнётся ему, обнимет отца...

Свечи догорали, источая восковые слёзы, перед алтарём становилось всё темнее. Собравшиеся сиротливо жались друг к другу, пытаясь согреться, не надеясь на внутренний пламень душ, тянулись к единственным источникам света, слабого и ненадежного, лишь верой согреваемого, и по-прежнему молчали. Тишина давила, пригибала к земле.

Мечислав поворочался с боку на бок. Серко отошел, недовольно всхрипнув – вертаться на жестком ложе, хозяин ударил локтем по ноздрям – и продолжил жевать, предчувствуя дальнюю дорогу по нескончаемой болотной хляби.

Пора бы уже уgomониться и путнику, но видения не отпускали. Они давили, подобно каменным плитам, что назавтра покроют саркофаг Казимира, отрезая княжича от всех земных страданий, хотя нет, страдания для него закончены. Теперь он предстал перед Всеблагим. Что он почувствовал в эти минуты кроме неземного блаженства от созерцания Лица, вслушиваясь в Глас Божий, успокаивающий, умиротворяющий? Какие мысли придут к нему, когда взор спустится на прибитых тишиной в базилике людей, оплакивающих его бесполезное, никчемное уже тело, еще совсем недавно лучившееся ангельской красотой?

Нет, так невозможно утешиться. Невозможно, ибо неправда. Тишина не даст солгать, не даст и держать уста замкнутыми спудом позорной вины. Мечислав безотрывно смотрел на князя, видел, как дрожат его губы. Не выдержав раздиравшей душу муки, кинулся в ноги Богдану Справедливому, крича, что это он истинный виновник смерти Казимира. Он, а не засеченные до смерти конюшие. В последний миг заметил надорванный ремень подпруги, но не посмел отдать приказ переседлать Бурку. Понадеялся на чудо и убил единственного сына и наследника князя. Упав на колени, молил немедля свершить над ним казнь.

И только образок, прежде холодный, коснулся груди и начал оттаивать, будто внутри него зажегся незримый огонь.

Молодой человек устремил пустой взор в вызвездивший небосвод. Тишина уснувшего бора оглушила. Хотелось вырвать из ножен меч и пойти крушить оголённые преждевременной осенью ветви деревьев, чтобы совладать с невозможной мукой, вернее, избавившись от нее на время, лечь и погрузиться в сон, ведь отдых так необходим человеку, прозябающему в дремучем лесу, в местах, где давно заброшены торные шляхи. Редкий торговец осмелится пройти здесь караваном, опасаясь разбойников, что наводят ужас не только на этот покинутый всеми край, но и на поселения, вроде бы и принадлежащие князю Мазовецкому, да в последние годы лишь на картах и значимые. Прежде, пока Богдан Справедливый ещё помогал своему тезке защищать северные границы от оголтелой немчуры да язычников-литвинов, эти места еще теплились жизнью, ныне, после смерти князя Мазовецкого и распри среди его наследников, всей этой земле угрожает разорение. И теперь, когда единственный сын князя Богдана пал по глупой неосмотрительности оруженосца, погиб бессмысленно и безнадежно, не оставив отцу наследников...

Все это Мечислав выпалил на едином дыхании. И продолжал каяться, не в силах поднять глаза на стоявшего перед ним князя.

Резкий и сухой голос, многоголосым эхом отразившись от стен базилики, заставил его замолчать.

– Подите прочь все, немедля! – приказал Богдан.

Князь обвел собравшихся тяжелым взором, от которого и у повидавшего на своем веку немало жутких смертей воина кровь застынет в жилах. Со всех сторон слышался шорох шагов, и когда дубовая дверь, закрываясь за последним, тихонько скрипнула, над головой коленопреклонённого юноши взметнулся короткий романский меч. Мечислав сжался, изго-

товившись принять последний удар. Время растягивалось, закипало вязкой тягучей смолой. Не выдержав пытки, оруженосец поднял умоляющий взгляд. Князь замер. Меч опускался медленно, невозможно медленно, а опустившись, едва задел оголенную шею Мечислава и легко коснулся его плеча. Словно в тумане послышался голос князя:

– Да будут препоясаны чресла твои...

Дальше пустота, он уже ничего не слышал и не видел. Звезды исчезли, небо потемнело набежавшими тучами. Он закрыл глаза, сжал в руке образок.

Очнувшись, понял, что лежит на чём-то твёрдом и холодном, хотел поднять веки – не хватило сил.

– Приходит в себя, – произнёс рядом скрипучий голос, принадлежащий не то мужчине, не то женщине, такого Мечислав прежде не слыхивал.

– Он нужен мне живым: – Князь Богдан. Мечислав узнал его голос.

– Выдюжит, – прокаркало совсем уж на ухо, а глаза открылись сами собой. Белёсое пятно оформилось в человеческое лицо. Узнавание остудило душу, упрятало её под лёд. Удо? Не может быть! Хотя нет, почему не может, напротив. Богдан не стал бы убивать его в базилике, осквернив дом Господень. Сей истово верующий слуга Божий скорее уж передаст виновника смерти сына в руки этого немчика, чтобы тот...

Мечислав сжался. О том, что самые страшные пытки в подземельях замка проходили при участии этого выроodka в замке знали все, вплоть до последнего поварёнка. Служки судачили, будто Богдан привёз Удо в качестве трофея после победы над немецкой ордой, во много раз превышавшей числом объединенное воинство князей Варшавы и Нарочи. Поганое немецкое полчище сумело дойти до самой столицы княжества Мазовецкого, и только волею подоспевшего князя оказалось остановлено – как века назад, когда пращур Богдана Справедливого, Мешко, вот так же рубал немчуру как капусту, завоевывая Поморье.

Князь привёз Удо в Нарочь вскоре после появления там Мечислава, да так и оставил жить при замке, хотя, где именно обретался молчаливый урод, никто не догадывался, равно как и за какие преступления подвергся на родине отсечению обоих ушей. Словно привидение, Удо являлся из ниоткуда и пропадал в никуда. Повстречать его на улице считалось дурным предзнаменованием. Местные бабы пугали немчиком не в меру расшалившихся отпрысков. Но рядом с князем его никто никогда не видел. И вот теперь – ужели ему это снится? И немчина свободно говорит по-польски, невольно щурясь от предстоящего удовольствия, видно, готовит особую пытку.

Сердце ёкнуло. В тот же миг к губам прикоснулся кисловатый холод медного ковша.

– Пей! – гаркнул уродец. Мечислав покорно сделал глоток и захлебнулся. Горло обожгло. – Пей, говорю. – Невзирая на робкое сопротивление лежащего на лавке юноши, Удо вылил ему в глотку всё содержимое ковша. Мечислав закашлялся, тщетно пытаясь сделать вдох. – Княже, сейчас он сможет говорить.

– Благодарю, Удо, садись. Я сам. – Молодой человек понял, что князь сел рядом. И едва скосил на него глаза, тот негромко сказал: – Теперь ты рыцарь, отрок.

Мечислав резко сел на лавке; голова закружилась, мысли спутались. Вездесущий Удо мокрой, терпко пахнущей тряпичей заботливо протирал ему лицо и руки. Мечислав сделал попытку отстраниться, но встретившись с укоряющим взглядом князя, утих.

– У нас мало времени. Не бойся, Удо не причинит тебе вреда, – продолжил князь. – До утра ты должен отправиться в долгий путь. Герб и девиз получишь немедленно, равно как доспех и охранную грамоту.

– Да, да, мой господин, немедленно, – жутковатым эхом просипел Удо.

Мечислав почувствовал прилив сил. Удивительная лёгкость наполнила тело. Он огляделся, но не узнал покоев. Низкий потолок, голые стены, копна свежего сена на полу. Пустой

табурет, рядом на дубовом столе теплится лучина, князь и Удо отбрасывают длинные тени, а окон нет. Где же он?

– В подземелье, благородный рыцарь, – будто услышав его мысли, закивал безухим черепом Удо, кривя лицо в кошмарной гримасе, которую с трудом можно было принять за улыбку.

– За что, мой князь, такая милость? – слова сами собой вылетели из горла.

Князь поглядел мимо него и сказал:

– Если справишься, ещё не так одарю. Только в этом спасение твоё, да и моя жизнь тоже. Найди Безымянный замок, что на побережье Балтийского моря, передай его хозяину дар, и тогда у тебя... у нас с тобой, появится надежда, а нет – бесславно погибнешь. Удо, покажи ему ларец.

Ларец!

Захваченный видениями рыцарь сбросил с себя плащ. Нет, так он не уснёт. Который день без сна и отдыха. Ну почему воспоминания недавнего прошлого, стоит приклонить голову, будоражат душу? Эдак он никогда не достигнет заветной цели. При этой мысли Мечислав встрепенулся, приложился к фляге со сливовицей, сделал большой глоток и поднялся.

Поляна всё так же сияла призрачным светом, в котором он с лёгкостью разглядел среди сваленных тут же своих немногочисленных пожитков переметную суму с заветным ларцом и, положив её под голову, лег подле медленно умиравшего костра. Тепло сливовицы разлилось по жилам, мысли обрели ясность и простоту, а затем и вовсе исчезли, перестав наконец его мучить. Мечислав уснул, точно провалился в яму, на дне которой ждало забвение.

Глава 3

Шкатулка укажет путь...

Пробуждение было внезапным. Мечислав подскочил от влажного и тёплого прикосновения, слепо нашаривая меч, но сразу опустил руку. Это застоявшийся Серко лизнул ему лицо. Рыцарь отогнал коня, затем поднялся. Окружающая серость не позволяла определить положение дневного светила, но и так понятно – утро занялось давно, а значит, время для охоты упущено. Осталось только надеяться на вечерние ловушки: осмотрев их, Мечислав разочарованно покачал головой – ничего. Ни по тропе никто не пробрался, ни на ветку не сел. Четыре штуки – слишком мало, но у него веревок в обрез. Придется отправляться на голодный желудок, рассчитывая на будущее, может, по дороге спугнет кого. Или шкатулка... Мечислав бережно достал ее из переметной сумы. Воспоминания вновь всколыхнулись, но уже блеклые, утренние, очнувшийся разум с легкостью отогнал их нестройную толпу. Удо говорил ему... Как же все-таки странно все повернулось в тот злосчастный вечер.

Пальцы легли на резную крышку, тут же приоткрывшуюся с негромким щелчком, изнутри полилось зеленоватое свечение. По рукам пробежало тепло, словно их омыли в горячей воде. Мечислав вдохнул полной грудью и огляделся по сторонам. Свечение ларца изменилось, переместившись на северо-восток. Рыцарь с тоской поглядел в непролазную чащобу, через которую ему придется продираться весь этот день, вздохнул, но покорствовал своему путеводителю. Удо обещал, что шкатулка укажет путь в Безымянный замок, а заодно убережет от опасностей «почище любого распытия», усмехнувшись, прибавил безухий урод, и даст сил, когда их совсем не останется, чтобы добраться до тех глухих мест.

В тот вечер, едва Мечислав пришел в себя, а князь Богдан наспех объяснил новику, кто он теперь такой и что должен делать, Удо подал ему ларец. Молодой человек устал удивляться, отупев от происходящего, он внимательно слушал, старательно запоминая слова князя и безухого уродца, удивляясь про себя, сколь же разны меж собой эти два человека и сколь неожиданно схожи. Словно от угла зрения, от одного только поворота головы различия стирались начисто. Под конец он уже не мог различить, какие наставления дает князь, а какие его безобразный служака. Новоиспеченный рыцарь помотал головой, но наваждение только усилилось. Князь и Удо говорили на два голоса словно один человек, покуда кто-то не потряс новика за плечо. Зрение прояснилось, князь в величии своем отделился от немца и коротко повелел Мечиславу выезжать. Удо мелко закивал.

– Шкатулка укажет путь, отрок, смотри в неё и поверяй себя ей, иначе... – то, как карла именовал его, раздражало Мечислава больше, чем безухий череп с намертво приклеившейся жуткой ухмылкой. Уродец не стал договаривать, но и без того все было ясно.

– Север Мазовии от самых Остатнов небезопасен. Как доберешься до последнего постоянного двора, избегай торных шляхов. Лучше потерять день в бору, чем лишиться жизни. – Кажется, эти слова принадлежали князю.

Мечислав утратил различие и замотал головой. Удо подал ему плоску с мутной, едко пахнувшей жидкостью. Когда юноша выпил горькое варево, немец заботливо помассировал ему запястья, затем князь открыл новику дверь камеры и выпустил в коридор, приказав седлать лошадь, а в свои покои не ходить, сборами займется Удо. Мечислав вспомнил, как уродец прошмыгнул мимо него из комнат Казимира. Значит, правда, зрение не обмануло. Его передернуло, но под суровым взглядом князя новопосвящённый рыцарь покорно отправился на задний двор: там все спали, включая и Серко.

Вскоре он уже мчался по опустевшим улочкам Нарочи, сжимая в руке заветный образок. Ни одно окно не зажглось, ни одна занавесь не дернулась, столица спала. Когда за спи-

ной одинокого всадника с глухим скрежетом опустились городские ворота, тьма поглотила его и не отпускала до самого рассвета.

Три недели в пути. Первая проскочила как один миг, подгоняемая страхом, болью, муками совести и жадой скорейшего от всех них избавления. В Мазовии Мечислав нигде не останавливался подолгу, разве что перековать Серко да закупиться провизией и всем необходимым в дальнюю дорогу. В Остатнах он потратил последние выданные князем серебряные денары – после поселения с этим говорящим названием постоянных дворов ему не встречалось. Шлях опустел. Дважды встретив сожженные не то немцами, не то мазурами деревни, он предпочел пробираться лесом. Послушался настойчивых требований шкатулки, и вовремя – вскоре мимо него, незамеченного в густом подлеске, проследовали человек двадцать здоровых немецких лбов, каркающих друг другу, словно вороны, кликавшие неминуемую беду.

Тропинка вывела его на шлях лишь к полудню – туман рассеялся, тучи разошлись, обнажая сожженный верховым пожаром лес. Солнце, хоть и не давало вожаденного тепла, но ласково улыбалось рыцарю, путалось лучами в смоляных кудрях, гладило по щекам, подтопив заиндевелое сердце и отогнав прочь тёмные думы. Мечиславу вспомнились те счастливые дни, когда они с Казимиром впервые встретились лицом к лицу.

Мечислав, ему тогда было тринадцать, получивший за плохое услужение серьёзную взбучку от Одера, забрался в сарай и затих, глотая солёную обиду. Там и нашел его казавшийся таким неприступным наследник Богдана; выяснилось, княжич знает, что старший служка Одера спихнул на новичка вину за несделанную работу. Он видел, как парня высекли у всех на виду, а потому принёс ему ржаную лепёшку и кувшин чистой воды, добавив, что не потерпит несправедливости при дворе отца и уже рассказал дядьке правду, так что теперь высекут служку, а Мечиславу не надо больше прятаться. Больше того, он восхищён мужеством, с каким юный оруженосец выдержал постыдную экзекуцию. Мечислав, служивший всего-то второй месяц и оттого понукаемый, как и полагалось, всеми подряд, слушая Казимира, пытался сдерживать накатившие слёзы.

Князя Богдана все еще не было в столице: мазовецкий поход затянулся, что только усиливало напряжение среди приближенных и челяди. Разговор с Казимиром показался ему непостижимой благодатью, а ржаная лепёшка вкуснейшей на всем белом свете. Мечислав не смог скрыть изумления и по поводу того, что его неприятности, оказывается, небезразличны высокородному княжичу. Отрок слушал Казимира и его сердце наполнялось теплом и благодарностью. Ах, если бы он мог вернуться в тот треклятый день, исправить ошибку, убившую названного брата, или получить возможность вымолить прощение. Казимир бы понял, всегда понимал и видел больше других, верно, потому Господь и поспешил забрать его к себе.

Мечислав поднял глаза на небо, по которому, гонимые ветром, гуляли пушистые облачка, и точно брат и вправду глянул на него с небес, ощутил знакомый запах и огляделся.

Серко выбрался на опушку. По обе стороны тропы, будто не замечая промозглой осени, на изумрудном травяном ковре белыми звёздами цвели ромашки. Это чудо? Ведь дальше куда ни глянь простиралась желтовато-серая пустошь.

Мечислав спешил и бросился ничком в траву, полной грудью вдыхая милый сердцу аромат. Почудилось, он обнимает княжну, зарывшись в тяжёлые пшеничные кудри Иоанны. Захлебываясь запретным счастьем, он надолго застыл на месте. Слушал, как сердце замирает в груди, и плотнее прижимался к теплой, точно хрупкое девичье тело, земле.

В притороченной к седлу Серко дорожной суме, заставив замечтавшегося рыцаря вспомнить о данных обетах, призывно звякнула шкатулка. Мечислав нехотя поднялся, а оглядевшись, уж не увидел никаких ромашек, точно с глаз упала пелена. Трава на поляне, где он лежал, давно пожухла от утренних заморозков. Однако, едва поднявшись в седло, новик почувствовал облегчение, точно сбросил с плеч тяжелый груз, и двинулся дальше нигде более не останавливаясь.

Заброшенный шлях проходил среди пожелтелых пустошей и лугов, петлял меж холмами. О вожаденной охоте пришлось забыть – ни звука, ни шороха, ни птичьего щебета, – тугая беспросветная тишь. Будто в этой некогда богатой местности вымерло всё до последнего гада.

Серко поднялся на пригорок. Дорога подходила к другой возвышенности. Там показался одинокий каменный дом, может, местного шляхтича, и вроде бы обитаемый – из трубы тихонько курился едва заметный дымок. Орлиное зрение Мечислава сумело распознать его среди поднимавшегося по колкам да низинам тумана. Деревенька, занимавшая склон холма рядом с господским домом, казалась уничтоженной пожаром. Оставшиеся мужики и бабы либо бежали, либо жили в землянках или в самом строении под пристальным оком господина.

Вздыхнув с облегчением, рыцарь пришпорил коня и направился к жилищу. Если действовать осмотрительно он сможет получить там пристанище и кое-что разузнать. Еще в Остатках он слышал, что некоторые шляхтичи остались жить у самой границы с Поморьем, а то и у моря, отряжая своих людей на добычу янтаря. На охране обозов с драгоценным камнем солью и провизией стояли и многие рыцари, не нашедшие себя в ратном деле и таким не слишком достойным способом добывавшие кусок хлеба. Скорее всего, подобный отряд и устроил себе временное пристанище в этом гиблом краю.

Спешившись возле строения, на поверку оказавшегося простой сельской хатой с соломенной крышей, Мечислав тихо поднялся на крыльцо, хотел постучать, но дверь, тоскливо скрипнув, отворилась. В ударил запах запаха жареного мяса. Голова закружилась, заныл пустой желудок. Рыцарь шагнул в тёмные сени. Постоял там немного, прислушиваясь, – в доме ни звука, точно жилище давно покинули последние обитатели. Пройдя через сени, Мечислав позвал хозяев – тишина. Тогда он толкнул дубовую дверь, легко отворившуюся перед незваным гостем, и оказался в просторной комнате, освещённой потрескивающим в углу очагом. Посередине широкого стола лежал на блюде зажаренный молочный поросёнок, рядом стояли полная миска гречневой каши, тарелка зелени и пареной репы, а еще кувшин с пивом и четыре медных кружки. Только обитателей не было.

Мечислав сел на лавку, вслух извинившись за вторжение перед незнакомым хозяином, отрезал себе кусок поросёнка, плеснул в кружку пива. Аппетитный сок потек по подбородку, когда он, торопливо совершив молитву, вгрызся в нежное мясо, заедая свежеспечённым хлебом и кашей, вкус которых уже начал забывать. Отхватывал кусок за куском, не в силах остановиться, пока от поросёнка не остались лишь тщательно обглоданные кости. Сладкая истома разлилась по телу. Мечислав обтёр руки тряпичей и поднялся, чтобы подстелить на лавку мягкий плащ: всё лучше, чем на стылой земле.

– Ну что, пан рыцарь, хороша ли была трапеза? – послышался насмешливый голос.

– Хороша, добрый хозяин. Только жаль, не вижу твоего лица, не сумею как следует отблагодарить за оказанную милость, – не растерявшись и изготавившись к любому продолжению, спокойно ответил Мечислав.

– Что ж, если ты доволен, неплохо было бы и уплатить за еду и ночлег, тогда и тёплая постель для тебя сыщется, – на этих словах в противоположной стене отворилась незамеченная в полумраке дверца. Что-то звякнуло, Мечислав увидел шута в изрядно вылинявшем одеянии и шапке с бубенцами. – Что скажешь?

– И сколько ж тебе полагается за постой? – невольно улыбнувшись, поинтересовался рыцарь.

– Десять серебряников, – ухмыльнулся комедиант. – Надеюсь, для ясновельможного пана это сущие пустяки.

– Если бы они у меня были, с радостью, а так, придётся провести ночь под открытым небом. Благодарствую за обед.

– Ты съел поросёнка, выпил пиво, твой конь жуёт в сарае сено, а как платить – в кусты? – изобразив на изборождённом морщинами лице искреннее удивление, продолжил торговаться паяц.

– Высоко ты ценишь маленького худосочного поросёнка, – ощутив, как в спину уткнулось что-то холодное, и будто не заметив этого, парировал гость. Замер, удивленный вовсе не издевательством обирающего путников шута, но предательством шкатулки, которой он столь бездумно поверялся долгие дни пути. И ведь кому поверил – Удо, немецкому выродку, приносящему одни несчастья, богомерзкому колдуну. Знамо, и князь оказался подвластен чарам безухого карлы. От мысли этой Мечислав содрогнулся и приготовился.

Серебрянников у него не осталось, а коли так жизнь свою он задешево не продаст. Рука под плащом, снять который он так и не успел, потянулась к мечу. Мечислав медленно вдохнул. Тут, ослепив присутствующих, а в комнате находились ещё трое дюжих молодцов, ярко полыхнул очаг. За спиной чертыхнулись, острие меча дернулось, мгновением позже воткнувшись в щель меж пластин.

В тот же миг Мечислав ощутил в ладони нечто тяжелое, затем увидел там кожаный кошель под завязку набитый денарами. Проморгался, не веря глазам. Выходит, волшебный ларец и на такие штуки способен, а он понапрасну клеветал в мыслях на Удо и князя. Не раздумывая, он бросил кошель на стол. Шут, хитро прищурившись, высыпал на ладонь новёхонькие серебряники, пересчитал, радостно проблеял:

– Благодарствую, – и принялся столь потешно кланяться, что Мечислав не смог сдержать улыбку.

– Ну, полно тебе, Груша, кобениться, – выступил из-за спины гостя широкоплечий бородач, одетый в потрепанную годами и походами бригантину, чьи пластины испещряли невыпрямленные вмятины, а юбка была изодрана в лохмотья ударом топора или двуручного меча. В жилистой руке он сжимал тяжелый моргенштерн. – Мир тебе, рыцарь. Я Бочар, хозяин здешней границы.

Мечислав сдержанно кивнул.

– На Грушу не серчай, он у нас любитель страшить заплутавших путников. Когда князь Мазовецкий забавы ради приказал порезать его на ремни, немного тронулся умом, а так добрейший малый, – примирительно проговорил хозяин. – Да и мы люди не лихие, за щедрость твою возблагодарим сторицей. Лех!

Холодная сталь упиравшегося в спину клинка отступила, показался обладатель сего имени – высоченный детина, стриженный под горшок, а за ним невысокий рыцарь с тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей, девиз на его щите гласил: «Не убоюсь я зла». Мечислав невольно усмехнулся: какого зла бояться, если сам ты зло, отринувшее клятвы и обеты. Что может быть позорнее для рыцаря, чем поборами зарабатывать на хлеб.

– Мария, собери на стол! – крикнул в пустоту седобородый. – Надеюсь, щедрый гость не погнушается разделить с нами скромную трапезу.

– Благодарю, добрый хозяин, – кивнул Мечислав, садясь на лавку. Остальные обитатели дома, попрятав оружие, расселись вокруг стола.

В комнате появилась круглолицая женщина в кружевном чепце и стала носить горшки да миски с различной снедью. Присутствующие принялись жевать, поглядывая на Мечислава, которому уж кусок в горло не лез.

– Ты не сердись на нас, гостюшка, – наливая ему чарку вина, приветливо сказал шляхтич. – Хоть побалакаем немного. Одиноким путники в наших краях появляются редко, вот я и решил к тебе приглядеться, а заодно расспросить, куда путь держишь.

– Что-то больно невежливо расспросил, – не удержался от насмешливого тона Мечислав и тут же замкнул рот на замок.

– Мы тут люди простые, без панских загогулин, но, ежели высокородному рыцарю претит делить с нами стол... – он замолчал, хмуро поглядев на гостя.

Мечислав, не дожидаясь продолжения, сам поднял чарку и произнёс:

– Мир этому дому.

Присутствующие заулыбались, бородач, как и положено хозяину, выпил первым, затем одобрительно хмыкнул и повторил вопрос о цели его путешествия. Мечислав сказал, что идет в Безымянный замок по приказу своего сюзерена.

– Видно, твой князь решил от тебя избавиться. И чем ты ему так насолил? – не переставая жевать, прокомментировал шут высоким писклявым голосом. – Уж сколько народу в Безымянный замок хаживало, будто он мёдом намазан, только назад никто не воротился.

– Что ж, погибну в замке, если на то будет воля всеблагого, – произнёс Мечислав с ноткой решимости в голосе, пытаясь хоть этим отгородиться от утративших всякую честь людей.

Груша скорчил умильную рожицу. Сидящие за столом сотоварищи понимающе переглянулись.

– Эка важность, ты до него сначала дойди, – проговорил шляхтич, бухнув кулаком по колену.

– А кто мне помешает? – пожал плечами гость.

– Да мало кто, – Бочар многозначительно понизил голос. – Буза вон тоже в замок шел, не дошел, полумёртвым на шляхе нашли, – кивая в сторону не боящегося зла рыцаря, продолжил он. – Теперь с нами жительство, а куда ему деваться, господин ко двору не допустит, не помирать же. Смертельное задание дал тебе твой князь. Под стенами замка дружины жили, и не подумай, что от рук человеческих, там черный колдун обитает со своей призрачной ордой, а против неё ни один христианский меч устоять не может. И всё равно идут, точно агнцы на приношение. Так что ты подумай до утра, может, останешься, для спорых рук и здесь работёнка сыщется. Сам понимаешь, мы тут не духом святым пробавляемся, дело верное, а главное, постоянное. В этих местах я уж лет десять живу. Была у меня прежде дружина, да вот что осталось. Ты бы нам сгодился.

– Я слово дал и нарушать его не намерен, – отвечал Мечислав. – Хоть сам дьявол во плоти пусть там живёт, я тоже не лыком шит. – Он потерял рукоять меча и невольно схватился за шкатулку.

– Как знаешь, я тебя предупредил, – разочарованно кивнул шляхтич. – Но ты все равно подумай. Нынче не те времена, чтобы жить данными обетами. – Мечислава перекосило от богомерзких слов, впрочем, бородач не придавал выражению лица гостя ни малейшего значения. – Ты смел и силен, я вижу, а скоро пройдет караван с янтарем, там дружина неплохая, но и оброк предстоит взять немалый.

– В твоём юном возрасте всё словами да обетами меряется, – перебирая бубенцы шутовской шапки, вставил Груша, – а в нашем хочется дожить до следующего утра, да чтоб рядом кто-то был – словом перемолвиться.

– Ну вот, опять завёл своё словоблудие, – недовольно хмыкнул Лех.

– А ты, отрок, поживи сперва с моё, а потом с речами выступи. Не все словом меряется, гость нежданный, не за все сил найдется ответ держать.

Буза смерил шута тяжёлым взглядом, под которым тот скукожился и замолк. Мечислав вдруг понял, что если он останется за столом ещё минуту, так сидя и уснёт. Глаза слипались, тело налилось свинцовой тяжестью. Заметив это, Бочар кликнул Марию. Та поманила гостя из дома и провела через тёмный двор с недавно разрытой под оголившейся грушей выгребной ямой. Пройдя мимо неё, женщина дошла до деревянного сарая, открыла щеколду и кивнула, пропуская рыцаря вперёд. Мечислав увидел топчан, накрытый высокой периной и обессиленный внезапной истомой, позабыв про сапоги, повалился на ложе, только суму со шкатулкой под

голову подложить успел. Уснул мгновенно. Сон был тяжёлым, будто в чане со смолой потонул, задыхаешься и выбраться охота, да невмочь.

Потом, будто сквозь туман, слышались тихие голоса. Рыцарь попытался открыть глаза – не вышло. Почувствовал, как его переворачивают на спину:

– Готов, пан рыцарь, – проговорили над ухом. – Суму под периной спрятал, там его главное богатство, я ещё за столом приметил как он её к себе прижимал. Жаль парня, совсем зелёный ещё, хоть и хорохорится.

Это Груша, его голос.

– Буза его не больно задушит. Всё одно помирать. Здесь хоть закопаем, как доброго христианина, а на шляхе волки сгрызут. Захотел бы остаться, никто бы его не тронул, а так хоть нам какая выгода.

Ага, вот и Бочар, и в нем лихой человек прорезался. Мечислав сделал невероятное усилие, но тело осталось недвижимым, даже палец не шевельнулся. Опоили, значит.

– Кончай его! – сухой, точно пожухшая листва, голос Бочара. Слышался тугой шорох растягиваемой в руках веревки.

Богородица, спаси и сохрани!

За этим последовало мгновение тишины. После об пол ухнуло нечто тяжёлое, слышались испуганные крики. Мечиславу удалось наконец разлепить пудовые веки. А в комнате творилось невероятное: по воздуху летали огненные шары размером с куриное яйцо. Несколько таких гоняли Бузу вокруг топчана, другие упали в гущу сгрудившихся на полу, верещащих от боли и ужаса тел, подожгли хозяйскую бороду. Огни множились, облепляли разбойников пекущим ковром. Буза с диким воем вынесся наружу. Шутовской наряд вспыхнул. Сам паяц, повизгивая и дёргаясь, корчился на полу. Что стало с Лехом Мечислав не видел.

Слышался звонкий залиvistый смех.

– А теперь убирайтесь вон! – приказал молодой девичий голос. – Не то в могилку, что для гостя вырыли, всех рядком уложу. Добрые люди...

Шут подхватился, столкнулся с главарём в узком проёме, из-за чего оба долго не могли просунуться наружу, вызывая у невидимой девицы новые приступы издевательского хохота. Со всего маху в них врезался и Лех с чернеющей на рубахе дырой. В спины замешкавшимся лиходеям ударили огненные шарики. С истошными воплями троица вынеслась прочь.

Сердце Мечислава зашлось, когда над ним склонилось прекрасное девичье лицо. Длинные золотые локоны, голову венчал венок из крупных ромашек. Зашлось ещё раз, когда он понял, что видит сквозь белые струящиеся одежды спасительницы стену вместе с дверным косяком.

– Ну, здравствуй, рыцарь. Я Агница, – кивнула девушка-призрак. – Терпеть не могу живодёрства.

Глава 4

Негоже менестрелю босым ходить...

Город именовался Купеческой гаванью. Прежде на его месте находилась деревушка, с незапамятных времен служившая пристанищем перебивавшимся в свой Авалон англам, затем оказавшаяся причиной раздора между лютичами и саксами, после оборонявшаяся от набегов белых хорватов и сербов⁵ с юга и викингов с моря. Местоположение разраставшейся деревеньки уберегло ее от самых страшных напастей и влекло сюда многих изгоев. Оказавшись здесь путешественники с трепетом отзывались о дикой и суровой красоте здешних мест, о добросердечии и широкой душе жителей, еще о величественном капище местного бога, видном издалека, за день пути до Купеческой гавани. Изящным деревянным храмом возвышалось оно над полуостровом, с трех сторон защищенным неприступными скалами, а с юга – широкой насыпью, высотой около пятидесяти локтей.

Но подлинный расцвет наступил, когда поселение обрело статус вольного города, дарованный местным князем, желавшим прослыть справедливым и мудрым правителем. Он воспринял начало свободного судоходства на Балтике как знак свыше и превратил городок в крупный порт, куда сходились нити караванов из Британии, Дании, Нормандии, Бургундии, Саксонии и многих других земель, кои только отыщутся на карте.

С течением времени город богател, расширялся, его порт принимал корабли со всей Балтии и Германского океана, а также из самых удаленных стран Европы и Азии. Древнее святилище ушедшего на покой бога, чье имя забылось за давностью лет, пришло в упадок, однако его место не занял новый храм. Вавилонское смешение нравов и обычаев не позволило укорениться в краях, где сходились язычники, магометане, иудеи и христиане, веры в единого вседержителя еще и потому, что говорившие на разных языках люди, поклонявшиеся разным богам, на самом деле веровали лишь в златого тельца – его воплощением с течением лет и стала Купеческая гавань. Дух соблазна так крепко засел в каменных стенах города, что выветрить его не удавалось ни одному проповеднику. Глядишь и он, спустя время, начинал рассказывать истории только после того, как в его кружку падала монета. Когда этот надоедал, жители Купеческой гавани шли к другому сказителю, который и брал дешевле, и повествовал красней, или возвращались в порт, ведь после духовной пищи надлежит набить нутро пищей телесной. А после испытать плотское удовольствие, благо таковых в кабаках и городских домах терпимости всегда было в избытке.

Именно в ту пору в Купеческую гавань прибыл двухмачтовый ганзейский когг с темными парусами, потрепанными злыми мартовскими ветрами, и угрюмым экипажем на борту, не говорившим ни на одном известном в городе языке. Впрочем, матросы горожан интересовали в последнюю очередь, ведь Купеческую гавань посетил сам владелец судна, богатый торговец, знаток древности и ценитель особенных удовольствий, каких здесь было во множестве. Но его тугой кошель открывался и по другой причине: владелец, которого видели немногие, а имени и вовсе никто не знал, искал запретные манускрипты ушедших времен, эликсиры и снадобья, еще таинственные амулеты, дарующие не то безграничную власть, не то бесконечную жизнь – что именно он разыскивал покрывала тайна, но сколько легенд породила она, сколько баек и присказок появилось на свет уже в первую неделю по его прибытии. Конечно, все они были лишь досужими домыслами, но коли сам владелец когга не противился их рас-

⁵ В 10—12 веках славянские племена лютичей, белых хорватов, сербов жили на территории северо-западной Польши и в германских землях, вплоть до устья Эльбы.

пространению, значит, прибыл сюда не зря, и в городских трущобах или знатных домах искал людей, могущих продать или обменять необходимые ему вещицы.

Пока слухи расходились по окрестностям, а нужные люди сыскивались, торговец скучал, измышлявая новые способы занять себя. И вот однажды, оказавшись на городском рынке, услышал он как играет на флейте и виоле один побирушка. Стоило тому взять в руки инструмент, гомонящая рыночная площадь затихала в немом изумлении, мгновенно обращаясь в слух, и даже последняя служанка, пришедшая на рынок за зеленью, не скупилась на монетку, вдоволь наслушавшись бередящих душу мотивов. Ганзейский богач позвал музыканта к себе на когг, где и жил, презирая местные постоянные дворы, как баяли порттовые рабочие, в невообразимой роскоши.

Но прежде, чем Кудор – верный слуга и помощник богатого торговца – предложил рыночному музыканту служить его господину, он с вежливым поклоном дал ему в руки резной ларец из чёрного дерева. Шкатулка тотчас раскрылась, словно менестрель нажал на скрытый механизм. Молодой человек жадно заглянул внутрь и удивленно обратил взор на слугу – нутро шкатулки оказалось пустым и тёмным, точно предрассветная тьма. Кудор расплылся в улыбке, обнажив крупные зубы, отнял ларец и шепнул музыканту, что богатый иноземец желал бы видеть его среди своей свиты и ежели он согласен, пусть завтра же явится на когг – тогда шкатулка доверху наполнится золотом. Менестрель присмотрелся к невысокому крепышу с острым взглядом и темными, начавшими уж сесть волосами. Ведь именно Кудор, всем известно, рыскал по городу в поисках необходимых хозяину тайных вещиц, и служил неусыпным стражем в те дни, когда купец соизволял сойти на набережную и отправиться в город. Вид у слуги столь щедрого господина был затрапезный, словно богатый купец одаривал Кудора одной только милостью, да и сам служка последние дни как-то сжался и усох, верно, устал метаться по городу, исполняя все новые поручения.

Молодой менестрель покачал головой. Ведь он свободен, точно утренний бриз, и не хочет служить никому. Хотя истинная причина его нежелания устроить свою жизнь под теплым крыльшком богатого торговца крылась совсем в ином. И история эта была тем удивительней, чем проще рассказывалась.

Анджей, именовавший себя в Купеческой гавани Музыкой, родился и вырос при княжеском дворе. Жил сиротой, не зная отца и матери. Из-за болезненности и внешней хилости его отрядили поварёнком на кухню. Стряпухи жалели задумчивого и рассеянного тихоню и потому тяжёлой работой его не нагружали, прощали леность и необязательность, а то и подкармливали вкусеньким. Даже когда его нужно было пожурить – стоило мальчику поднять на разозлённую повариху исполненные печалью глаза, – вмиг утихала злоба. Вместо оплеухи повариха ласково трепала сиротинушку по затылку и уходила, утирая наворачнувшиеся на глаза слезы. После и вовсе перестали давать задания, все одно не выполнял, а если и пытался, получалось из рук вон плохо. Вечно что-нибудь напутает. А кому на кухне мешанина нужна? Анджей все чаще без дела болтался во дворе или отлеживал бока на сеновале, напевая пришедшие на ум мелодии чистым звонким голосом. Так красиво пел, что заслушивались все дворовые служки. Однажды паренек принялся подпевать, когда для князя во время послеобеденного отдыха играл на лютне придворный шут Кома. Князь услышал и приказал приставить сироту на обучение к придворному менестрелю.

Кома не был рад довеску. Хвороба беспрестанно выкручивала старого лицедея, давила сердце. Боль редко отпускала его, разве после приема спорыньи, а потому, стоило снять шутовской наряд, наигранная улыбка извечного балагура тут же слетала с его лица, он становился злобным и ворчливым, не терпящим малейшей провинности. Лишь добрая кружка пива или стакан сливовицы могли ненадолго утишить пыл старика, но слабое сердце не позволяло злоупотреблять горячительными напитками. Зато Анджей всякий раз оказывался под рукой. Со временем шут пристрастился вымещать на ученике всю горечь обречённого существования.

Случалось, так отколотит, что и сесть больно, и стоять немоготу. Анджей люто ненавидел учителя, а узнав привычки шута, иной раз исхитрялся избегать трёпки. Впрочем, когда сердце не мучило тяжестью, и испарина не холодила лоб старика, тот прилежно, в меру своего понимания музыки, занимался с вверенным ему учеником. Особенно тяжело пареньку давалась виола, но под строгим надзором Комы, остервенело лупившем паренька за малейшую нестройность в звучании, юноша довольно быстро стал добрым музыкантом. Что, впрочем, не избавило его от ежедневных побоев учителя. Казалось, Анджей притерпелся к тумакам и зуботычинам. Вот только однажды поутру Кому нашли в постели мёртвым. В причинах внезапной кончины старика разбираться не стали. Все знали о тяжелой болезни и никто не заподозрил ученика. А это он, доведенный до отчаяния свирепой взбучкой за порванную струну, отыскал в лесу бледную поганку, выжал горький сок и подлил его Кома в целебную настойку.

Ко времени избавления от учителя Анджей заметно вырос, раздался в плечах, похорошел лицом и выглядел записным красавцем. После похорон Комы занял освободившееся место. Правда, шутовской наряд не надевал, зато песни исполнял с душой. Старый князь любил его слушать. Да и не только князь. Единственная дочь Милолика, недавно овдовевшая и вернувшаяся под отчий кров, частенько звала музыканта в свои покои, развеять набежавшую грусть-тоску не то по супругу, коего и видела редко: попервой под венцом, а затем провожая в очередной поход, – а не то по нелегкой вдовьей доле. Вздыхала, и, попросив отложить виолу, подолгу вглядывалась в глубокие, точно озера, ясные очи сладкопевца.

И не она одна; дворовые девки все до единой млели по музыканту, чьи золотые локоны сбегали к широким плечам. Стоило ему поглядеть и удальски потряхнуть головой, девичье сердечко расплавлялось, становясь мягким и податливым, как воск у горящей свечки, а её душа пропадала в объятиях блудливого краснопевца. Чем он и пользовался. Мог долго нашептывать наивной девушке витиеватые признания в любви, но, добившись своего, начисто забывал о вчерашнем увлечении. Таким порядком через годы при княжеском дворе бегал с десятков ясно-оких байстрюков разного возраста. Князь закрывал глаза на похождения своего менестреля, ведь только Анджей своими песнями умел развеять тоску уходящего во мрак бесконечной ночи владыки. Умиротворенный медовым голосом молодого менестреля, тот потакал непотребству до тех самых пор, пока собственная дочь, долго считавшаяся бесплодной, – ведь за шесть лет брака так и не принесла покойному мужу наследника – и проживавшая в замке сущей монашкой, не оказалась в позорном положении. Последний конюшонок в замке знал, кто развлекал её игрой на виоле, а потому по двору поползли слухи один грязнее другого.

Когда же состояние Милолики стало столь очевидным, что его не смогли скрыть даже туго затянутые на располневшей талии полоски ткани, в судьбе Анджея случился крутой поворот. Разгневанный князь приказал бросить прежнего любимца в темницу, назначив тому позорную казнь: несчастного должны были распять на косом кресте посреди двора, а рядом привязать голодного пса да хлестать собаку плеткой, чтобы та в остервенении грызла порочному проходимцу промежность до тех самых пор, пока мерзавец не испустит дух.

Анджей был молод и полон сил, но жить ему оставалось всего одну ночь. Он лежал на спине на сваленном в углу темницы сене и глотал горькие слёзы. Другой старательно молился бы Всевышнему, надеясь избежать адовых мук, заготовленных греховоднику после смерти, но совесть не мучила музыканта.

Замок спал, в маленькое забранное решёткой оконце зловонного узилища не проникал и лучик света. Во дворе было тихо, казалось, сама ночь уснула под теплым одеялом беспросветной мглы. И только Анджей, неотрывно глядя в сочащийся каплями потолок, все пытался вывести охрипшим голосом хоть какой-то мотив – будто от этого двери темницы распахнутся, и туманная темень заберет его в неведомые дали, даруя свободу и новые надежды.

Его жизнь должна была оборваться, но судьба распорядилась иначе. Анджей услышал, как загремел дверной замок и напрягся, ажно зубы свело – видно, князь не захотел ждать

с расправой до рассвета. Дверь распахнулась, застывший от ужаса менестрель увидел за ней Милолику. Княжна молча разрезала стягивающие его запястья верёвки, сунула в руки котомку, обняла в последний раз и поманила за собой. Путь по невиданным ранее подземельям замка оказался недолгим. Милолика скрипнула потайной дверцей, кивнула возлюбленному, дала ему флейту и, уступив дорогу в неизведанное будущее, навсегда осталась в прошлом.

К утру Анджей был далеко от замка. Отлѣживался в лесу, залечивая израненные ноги, ведь бежал босиком, не разбирая дороги, много часов подряд. Потом он догадался сплести из лыка жалкое подобие лаптей, а к осени, оборванный и заросший, добрался до Купеческой гавани. Город привычно поглотил ещё одного обездоленного пришельца.

Анджей взял себе новое имя, стал играть на флейте, то в порту, то на рыночной площади и вскорости покори́л своим незаурядным талантом многих горожан. Минул всего месяц, а бывший придворный музыкант заказал себе виолу, приделся, снял комнатку в одном из постоянных дворов у доков и стал наведываться в дом терпимости, где изошрённые жрицы любви частенько оказывали ему бесплатные услуги. Ведь не умели сдержатъ слѣз, околдованные чарующими напевами чужеземного менестреля.

Жизнь Анджея вновь стала сытой, но до крайности скучной. Он испробовал все наслаждения Купеческой гавани, и они ему быстро надоели. Однажды, оставив утомлённую Марийку досматривать последние сны, он с первыми лучами солнца отправился по пыльной городской дороге, куда глаза глядят. Оказавшись за стенами города, ступил на вившуюся среди лугового разнотравья тропку, спустился по пологому склону холма и оказался в соседней деревушке. Босые ноги топтали клубившийся туман. Обуви за все время жизни в Купеческой гавани он так и не приобрёл, как в память о чудесном спасении, так и в силу необычности наряда – дорогие одежды да истертые загрубевшие ступни придавали ваганту ту особую изюминку, что неизменно вызывала восхищение публики.

Анджей замер на месте, услышав в стороне волшебные звуки лиры, а с ними и голос такой хрустальной чистоты, что поначалу он принял это за мираж и потому долго не двигался, боясь спугнуть чарующую мелодию, пока его не ткнул посохом в спину пастух, ведущий на пастбище стадо коров.

Музыка вздрогнул и посторонился. Чистый девичий голос не исчез, а только набирал силу. Уловив направление, Анджей помчался навстречу. Ноги принесли ваганта к речному берегу, где под сенью вековой липы, перебирая струны лиры, пела юная селянка в скромном наряде. Тугие длинные косы спускались плечам. Будто почувствовав пристальный взгляд, она умолкла на полуслове и обернулась. Прятавшийся за буйно разросшимися кустами Анджей впервые в жизни почувствовал, что ему не хватает воздуха: при виде милого личика чёрствое сердце ваганта исполнилось нежностью, а на щеках сам собой проступил румянец, годный для незрелого юнца, зачарованно глядящего на прелестные ножки.

Справившись с собой, Музыка шагнул из укрытия. Завидев пришельца, девушка кивнула в ответ на его робкую улыбку, поздоровалась и с готовностью представилась: Габриэля. Анджей вынул из-за пазухи флейту и принялся аккомпанировать новой знакомице. И так складно выходило, что он задержался до темноты, в промежутках между песнями расспрашивая девушку. Оказалось, Габриэля живёт одна и, кроме музицирования, ни на что более не способна. Хорошо, крестьяне любят слушать её песни и помогают бедняжке; Анджей убедился в этом, когда дородная крестьянка принесла девушке узелок с провизией и кувшин молока, а к вечеру пришла другая, чтобы позвать певунью на семейный ужин. Музыкант откланялся, договорившись встретиться с Габриэлей завтра на том же месте. Домой возвращался на крыльях, сам себе удивляясь и не понимая, что это с ним такое стряслось.

С той поры, даже в лютую стужу, с утра до полудня Анджей проводил с Габриэлей, приносил ей безделушки и заморские сладости. Та охотно принимала его в крохотной избушке на отшибе или в роще у реки, если погода была тёплой. Они играли вместе, да так, что слушать

их сходились не только местные жители, но и проезжавшие по дороге путники. Вот только ничего большего девушка не допускала, да и он непривычно робел в её присутствии, позволяя себе лишь незаметные, будто случайные, прикосновения, от которых по телу пробегала жгучая волна.

Спустя полгода Анджей признался себе, что влюблён в Габриэлю. В тот же день он принёс ей дорогие сапфировые серьги и предложил разделить его судьбу. Девушка пожала плечами, сказав, что не понимает радостей плотской любви. Анджей ей дорог, за это время он стал как родной, но она всецело принадлежит лире. Только музыка и пение делают её счастливой и ничего иного ей не надобно. Видя, как переменялось его лицо, певунья добавила, что не он первый сватается, заведомо получая отказ, однако так и не смогла добиться от него хотя бы слова.

Менестрель долго смотрел на Габриэлю, на её созданные для страстного поцелуя нежные губы, ясные, как полдень глаза, румяные щёчки – и не мог поверить ушам. Несмотря на просьбы девушки, повернулся и ушёл в город. В этот день его виола плакала, а голос дрожал, вызывая у слушателей искренние слёзы, а ночью Анджей никак не мог утихомириться в объятиях Марийки: перед внутренним взором неотступно стояла прекрасная служительница Евтерпы⁶.

Утром он вновь отправился к девушке. Та приняла его как обычно, будто и не было вчерашних признаний. Они пели и играли как раньше, только боль в груди не желала отпустить менестреля. Слепая, как у всех влюбленных, надежда, подсказывала: требуется терпение, со временем Габриэля посмотрит на него не только, как на верного друга. И он продолжал ежедневно посещать её дом. Девушка оставалась отзывчивой и приветливой, но желаемых изменений в её к нему отношении не произошло и через год от начала их свиданий.

К этому времени Габриэля стала для него чем-то вроде навязчивой мечты. Каждое посещение приносило адовы муки, но он таскался к ней в любую погоду. А потому, понимая, что когг богатого торговца рано или поздно поднимет паруса, а он, вступив на его борт, окончательно и бесповоротно сожжет мосты, Анджей отказал Кудору. Тот молча выслушал его слова, покачал головой и удалился.

Но на следующий день вновь появился на площади и, положив в кружку Музыки немало звонких денаров, дал ему дудку, по виду обыкновенную, но стоило приложить её к губам, над площадью полились божественные звуки. Анджею почудилось, что дудка играет сама, без его участия.

Закончив играть, он поблагодарил Кудора за волшебный подарок, а тот с вежливым поклоном попросил вернуть дудку. Ведь только хотел узнать, годен ли хоть на что-то сей незатейливый инструмент, один из множества, кои хранятся на когге. Заметив, как сильно рыночный музыкант сжал в пальцах дудку, Кудор сообщил, что если Анджей примет предложение хозяина, инструмент подарят ему. Анджей нехотя отдал будто приросшую к рукам дудку. Помощник торговца бросил музыканту ещё монет и тут же откланялся. Провожая его глазами, музыкант почувствовал, будто у него отняли нечто очень важное и долго вглядывался в удалявшуюся фигуру Кудора.

Всю последующую ночь Анджей проворочался в бреду; пригласил к Марийке еще и Юстысю, но и это средство, выручавшее обычно и не в таких горестях, не помогло. Стоило смежить веки, он видел дудку, тянул к ней руки, а та ускользала, словно вода меж пальцев.

Не дождавшись рассвета, в сумеречной мути музыкант примчался на когг, разыскал крепко сложенного служку и рассказал о мучавшем его кошмаре. Последние слова дались с большим трудом. На судне, мирно стоящем у причала, ему сделалось совсем скверно: дудка была где-то рядом, казалось, он держит её в руках. Он опускал глаза, начинал шарить вокруг,

⁶ Муза, покровительница лирической поэзии и музыки.

но пальцы, как во сне, хватали пустоту. Наконец, он не выдержал, и когда Кудор снова заговорил о шкатулке с золотыми, выкрикнул: согласен служить хоть черту, лишь бы вновь играть на вожденном инструменте.

Черные глаза Кудора расширились от удивления, он коротко кивнул и тут же обернулся, бросившись к показавшемуся из каюты хозяину, торопливо объясняя причины поднятого шума. Седовласый и высокорослый, немного выше самого ваганта, хозяин когда вышел на палубу в парадных одеждах, точно перед этим принимал дорогих гостей или готовился к визиту – и это несмотря на занимавшуюся зарю. Плечи его теснил синий кафтан перехваченный серебряным поясом с массивной пряжкой. Из-под него выбивалась туника неприятного всякому христианину желтого цвета, под которой была надета еще одна – темно-красная. Довершал наряд черный плащ, подбитый соболями и шелковые желтые чулки с двойной перевязью. Низко поклонившись, Кудор представил менестреля новому хозяину, поименовав того Гересом. Тот оглядел склонившегося Анджея с головы до пят и приказал Кудору принести менестрелю новые туфли. Приказание было тотчас исполнено.

Анджей получил башмаки из тончайшей кожи, неприятно стиснувшие привычные к свободе стопы. Но неприятное ощущение тотчас прошло. Он преклонил колени перед новым хозяином, ожидая приказаний.

Герес щелкнул пальцами, в его руках появилась та самая дудка, которую он вручил застывшему Анджею. Тот благодарно принял дар, враз почувствовав облегчение – ночной кошмар испарился, не оставив и следа. Почувствовав себя свободным, он выпустил дудку из разжавшихся пальцев. Она покатилась по палубе, но была поймана и тотчас возвращена менестрелю.

– Отныне имя тебе Кальциген, – неожиданно сильным голосом сказал хозяин, – и никак иначе. – Вагант кивнул, к горлу подступил ком. Он не понимал происходящего, сознавая лишь, что в эти мгновения судьба его меняется окончательно и бесповоротно. – Кудор, проводи музыканта в каюту, – и, кивнув в сторону юта, свистком собрал матросов, веля готовиться к отплытию.

Этим же днем когг поднял паруса и, унося с собой Анджея, не успевшего очнуться от внезапно произошедшей с ним перемены, направился к неведомым берегам.

Глава 5

Коли говорить не хочешь, молчи...

Очнувшись, Мечислав долго приходил в себя и не сразу понял, где он. Однако запах горелой древесины вместе с приторно-мерзким духом заставили его подхватиться и сесть на край топчана. Ослабевшие ноги подогнулись, не давая подняться. На полу перевёрнутого вверх дном сарая валялись обгорелые обрывки ткани, а в болтающуюся на одной петле развёрстную дверь бил яркий солнечный свет. Приступ тошноты заставил Мечислава согнуться, слабость повалила на кровать. Он ощутил под периной острые края шкатулки. Какие ещё сюрпризы, кроме прозрачной девушки, спасшей его ночью от неминуемой смерти, кроются в черном нутре волшебного ларца?

– Наконец-то очнулся, Мечиславушка, сокол мой ясный, – заставив рыцаря вздрогнуть, пропел знакомый елейный голос. – Выпей колодезной воды, дурноту как рукой снимет.

В тот же миг, проплыв по воздуху от двери, к его иссохшим губам прильнул наполненный ковш. Мечислав перекрестился, зашептав изгоняющую демонов молитву.

Невидимая девица, ласково нарёкшая его Мечиславушкой, плеснула в лицо ледяной воды. Он поморщился и сел, а она засмеялась, ровно колокольчик зазвенел:

– Пей, говорю, не то до завтра выступить не сможем, а Безымянный замок ещё далеко. – Мечислав сделал судорожный глоток. Вода обожгла холодом, но в теле вдруг проснулась такая жажда, что он продолжил пить, пока не осушил весь ковш до последней капли. Дурнота и впрямь отступила. Промокнув влажные губы рукавом рубахи, рыцарь поднялся на ноги, ещё раз оглядел сарай – никого.

– Я тебя не вижу, – сказал в пустоту.

– Так ведь день сейчас, потому и невидная, к вечеру разглядишь, обещаю, – проговорили где-то рядом. – А теперь поспеши, завтрак стынет. Груша!

На зов явился обгорелый шут, принёс влажные полотенца. Комедиант попытался раскланяться, но застонал сквозь зубы.

– З-завтрак г-готов, господин, – прошамкал Груша, тряся острым подбородком и громко клацая почерневшими, гнилыми зубами.

Мечислав невольно поморщился, вздувшиеся волдырями ожоги на руках и груди старого лицедея вызвали заставили устыдиться.

– Отчего дрожишь? Тебе больно? – невольно вырвался вопрос.

– Н-нет, н-нет, г-господин, от страха я, – шут опустил слезящиеся глаза и съёжился, ожидая удара. – П-прикажете уйти?

– Я тебе не хозяин, приказы раздавать, – говоря, Мечислав заметил, что Груша украдкой, словно ища пути к отступлению, поглядывает назад, в сторону двери, вспомнил, какой тарарам устроила тут ночью Агница и пожалел застывшего напротив старика, единственного из шайки просившего Бочара не губить молодую жизнь.

– Держи бальзам, убогий, – встряла Агница, заставив Грушу козликотом перескочить с ноги на ногу. В руках шута, будто соткавшись из воздуха, появилась деревянная коробочка. – Намажь пожирнее, тогда боль отпустит и ожоги заживут как на собаке, – пояснила девушка из ларца.

Крепко сжав в крючковатых пальцах неожиданное подношение, Груша подобострастно закивал головой, бубенцы на его шапке неприятно забренькали.

– Да не меня благодари, убивец. Пана Мечислава и доброе его сердце.

Губы паяца дрогнули:

– Прости, пан Мечислав. Я не желал тебе смерти, но слово Бочара у нас закон, – позабыв трястись и заикаться, скороговоркой протараторил Груша. – Когда я полумёртвым от князя бежал, они меня подобрали и выходили. Вот и живу среди безбожников, податься мне старому больше некуда. Друзей не нашёл, а сродственников не осталось. Может, и лучше было умереть, чем так, в волчьей шкуре, да только не из героев я. Чем старше становлюсь, тем сильнее хочется жить. Хотя и претит мне изуверство, а цепляюсь, изо всех сил цепляюсь... – из выцветших глаз лицедея выкатилась крупная слеза. – Да что тут говорить, я вижу, ты из другого теста, вины за собой не знаешь. Чистая душа. Береги ты её, душу-то. А я... – шут махнул рукой.

– Я не держу на тебя зла, иди с миром. – Когда собеседник заговорил о чистоте души, сердце Мечислава невольно сжалось. – Говоришь, не знаю вины? Ох, как ты во мне ошибаешься. – Добавил он уже про себя.

– Пожалуйста завтракать, господин, – взял себя в руки расчувствовавшийся Груша. – А то, как добытое делить, всё Бочар да Буза, а как призрак страшному прислуживать – Груша. Прости и ты меня...

– Агница, – добавил нежный голос.

– Пани Агница.

– Иди, старик, зализывай раны, да прощения моего не проси. Все вы так, сначала прости, я не нарочно, а потом...

Она не договорила. Шут спешно удалился. Мечислав, постеснявшись раздеться в присутствии невидимой дамы, наскоро обтер полотенцами лицо и руки, прихватил с собой перемётную суму со шкатулкой и вышел из зловонного сарая. Остановился за порогом, с удовольствием вдохнул полной грудью, огляделся. Во дворе ни души. Только заготовленную для него могилу наскоро забросали землёй; если бы не защита Агницы, лежать ему здесь до скончания веков. Подошел к оголившейся груше. Молодое дерево, лишившись кроны, показалось болезненным изогнувшимся старцем, ступок смолы на месте сломанной ветви отливал на солнце пугающе багровым, будто кровавым. Руки рыцаря похолодели. Гоня наваждение, он часто замотал головой и поспешил добраться до двери жилища, где сразу почувствовал запах свежее испечённого хлеба, пробежал сени и оказался в горнице. В ярком очаге, как и вчера, весело потрескивали поленья, стол ломился, кроме блюд на нем лежала заполненная доверху провизией и припасами ещё одна перемётная сума.

– Серко уже седлают, – шепнула Агница, когда он доедал последнюю лепёшку с сыром. – Надо спешить, солнце заходит рано, а нам до заката через всю пустошь проехать надобно.

Мечислав кивнул и поднялся, подивившись тому, как быстро он привык к голосу бестелесного духа. Случись с ним подобное в замке Богдана, он счёл бы себя одержимым, а тут даже удивляться перестал.

Проводить гостя никто из добрых людей не сподобился: ни слова, ни звука, будто дом и правда вымер. Вздунув Серко, нетерпеливо рыхля копытами землю, уже поджидал во дворе, но стоило Мечиславу приблизиться, верный конь, испуганно захрапев, встал на дыбы.

– Это он меня испугался, почуял нечистую силу. Ты езжай, Мечиславушка, а я перед тобой полечу. Шкатулку открой, она укажет дорогу, – сказали откуда-то слева и тут же умолкли.

Рыцарь огляделся: по-летнему яркое солнце на чистых лазоревых небесах стояло в зените, ласковыми лучами отогревая промёрзшую за ночь почву. Теплый ветерок тихонько шелестел пожухлыми травами, играя пышной гривой Серко и смоляными кудрями Мечислава.

Рыцарь поднялся в седло и, прищипорив скакуна, направился в долину, подальше от проклятого воровского обиталища. Вопреки совету Агницы шкатулку открывать не стал. Направление, в котором ему надлежит продвигаться, запомнил ещё вчера, не пожелал вновь касаться колдовской древесины, которую, кабы не приказание князя, с превеликим блаженством затолкал в глотку беззубого карлы.

Именно он оказался поперёк пути в тот страшный день. Не без его мерзкого участия погиб Казимир, иначе зачем ему там ошиваться? Но для чего уродцу смерть наследника? Вспыхнув, страшная догадка болезненной занозой засела в голове. Мечислав, не видя петляющей среди пригорков узкой тропы, вновь и вновь вспоминал тот день и, вспоминая, всё больше утверждался в неслучайности появления Удо не только возле конюшни, но и раньше, гораздо раньше...

Руки резко натянули поводья, Серко послушно остановился. Застыл и всадник, глядя перед собой невидящими глазами, которым внезапно очнувшаяся память вдруг показала сокрытую под спудом долгих лет картину.

Тринадцатилетний отрок, собравшись пообедать, присел на ступенях у входа в оружейную. Мимо проковылял нищий. Юнец проводил его удивленным взглядом. Прежде при княжеском дворе бродяжки не водились. Лицо убогого скрывал дырявый капюшон, каждый шаг сопровождался надсадным хрипом. Поравнявшись с Мечиславом, нищесброд споткнулся и упал. Да так неловко, что покатился по пыльной тропе, теряя по дороге высыпавшиеся из тряпья бесчисленные пожитки. К ногам мальчика выпал берестяной короб цвета запёкшейся крови, разрисованный яркими драконами. Мечислав поспешил поднять его, движимый состраданием к несчастному бродяге. Поверхность короба оказалась липкой, щелкнув, он раскрылся в руках, изнутри повеяло тухлятиной. Желая как можно скорее избавиться от скверной находки, отрок растерянно огляделся. Нищий уже успел подняться и принялся собирать рассыпавшиеся по тропинке многочисленные кошель, ладанки и мешочки. И где только под жидким рубищем для всего этого нашлось место? Рванный капюшон сполз набок. Безухая уродливая маска с чёрными щелями вместо глаз открылась отроку. Мечислав попятился.

Уродец на удивление прытко подбежал к нему, прокаркал по-немецки, верно, благодарность и, вырвав короб из рук мальчика, бережно спрятал его под грязным плащом, будто короб представлял великую ценность, и заковылял прочь. На руках парня остались красные полосы, забыв о трапезе, он помчался к колодцу их смывать. Остервенело тёр ладони, но липкая долго долго не сходила.

Тогда Мечислав ещё не знал про Удо. Дружина князя только что вернулась. Для прислуги, оруженосцев и их помощников времена настали хлопотные. Наверное, поэтому случай истёрся из памяти.

Сердце рыцаря заныло, когда он подумал, что и это позабытое за давностью лет мимо-лётное происшествие каким-то странным образом связано с гибелью названного брата. Короб был выкрашен кровью? От этого предположения ком подкатил к горлу, и он продолжил путь, терзаясь сонмами противоречивых догадок.

День, освещаемый запоздалым октябрьским солнцем, выдался тёплым. Мечислав скинул плащ. Серко шел лёгкой рысью по распрямившейся торной тропе, некогда бывшей знатным шляхом, по которому и до сей поры ещё сновали редкие обозы с солью, рыбой и янтарем. А далеко у горизонта, куда хватает глаз, распластался новый лес.

Мечислав поторопил скакуна, но не успел предупредить солнце. Спешился возле большого камня, стреножил Серко и сел перекусить.

И снова мысли, неотвязные, непрошенные. Мечислав вырвал из травы белевший пышной шапочкой тоненький одуванчик и дунул на прозрачную головку, как в детстве, что есть силы, – лёгкие пушинки разлетелись, тут же подхваченные ветром. Рыцарь выбросил стебель и, стараясь уцепиться за прошлое, вынул из-за пазухи медальон Иоанны. Надо же какое совпадение, и у Агницы ромашки в волосах, только что не пахнут.

– Образок убери, Мечиславушка. Жжётся, не даёт к тебе приблизиться, – словно отвечая его мыслям, сказали неподалёку.

– А для чего тебе приближаться? – нежданно воспротивился Мечислав, сам не понимая, отчего не хочет мешать свое потаённое прошлое с удивительной тайной настоящего.

– Не такой уж безлюдный и пустынный этот шлях. Нам до темна к сосновнику добраться надо, а он тут расселся. Убери образок, говорю, а не то помогать тебе больше не стану.

– Разве сможешь? Ведь ты из ларца, – справедливо усомнился Мечислав, но образок за пазуху спрятал. Незачем Агницу злить.

– А хоть и из ларца, – уже гораздо ближе послышался ангельский голос. – Охранять тебя не обязана.

– Прости, я не знал, что образок тебе помеха.

– Прощаю. Дорог он тебе. Знать, любимая на дорожку дала?

– Дорог, – сказал как отрезал Мечислав.

– Что ж, коли говорить не хочешь, молчи, только едем скорее. Время не ждёт.

Рыцарь поднялся, спрятал в суму свой нехитрый обед и свистом подозвал Серко. Жевавший пожухшую траву конь, наострив уши, боязливо глянул на хозяина и, неуверенно попятившись, тихо заржал. Мечислав позвал ещё раз, скакун не сдвинулся с места, но какого же было удивление рыцаря, когда он услышал ответное ржание. Огляделся – вокруг безлюдная пустошь. Однако Серко вновь подал голос и опять получил ответ. Мечислав замер, вслушиваясь в дивный диалог, когда Серко сам подошел к хозяину, волоча за собой упавшие на землю поводья и стал перед ним, покорно склонив голову.

– Чего столбом застыл, трогай. Это Ласточка моя с твоим конём договорилась. Чай не безлошадная я, мочи нет по кривым тропинкам ноги топтать, – поторопила его Агница.

– Топчет она их, можно подумать, – язвительно огрызнулся рыцарь, поднимаясь в седло.

– Топтала, – эхом отозвалась волшебница. – Только давно это было, теперь тела нет, а душа, она всё помнит.

– Значит...

– Да, я тоже смертной была, обычной, из плоти и крови. Жила точно в раю, воду носила, венки плела, песни пела, свободная, как вольный ветер, а теперь даже травинку погладить не могу, пальцев не чувствую, а что чувствую, совсем иначе. – Монолог прервался. Мечислав подумал, что Агница едва сдерживает слёзы, такая неизбежная тоска звучала в её голосе. – И верно пахла хорошо, может, и как Иоанна драгоценная твоя.

– Иоанна не моя, она невеста моего названного брата, – укоротил её Мечислав.

– Сам себе не ври, слушать противно. Скажешь, не о ней ты всю дорогу грезишь? Вон как в ромашки бросился третьего дня.

– Ты это видела? – изумился рыцарь.

– Не просто видела, это я их тебе и подбросила, чтобы кручиниться перестал, свет мой Мечиславушка.

– Вот, значит, как? – возмутился он. И разом осёкся, разглядев в сгущавшихся сумерках восседающую на белоснежной призрачной кобылице, юную деву. Волна огненных волос, разметавшись по белому одеянию, струящимся плащом укрывала спину, тонкие пальцы сжимали светящиеся поводья, глаза-звёзды, в такие побаиваешься глядеть прямо, можно и утонуть, а на высоком челе ярко белеют ромашки. Рыцарь разглядывал Агницу, в светящемся образе которой будто сплелись воедино черты некогда обожаемой Эльжбеты с волнующим образом Иоанны. Смотреть на волшебницу было больно, и чудо как хорошо. Спутница понимающе кивнула.

Тут прямо из-под копыт Серко выскочил и, что есть прыти, помчался прочь вспугнутый заяц. Рука в мгновение ока выдернула из колчана стрелу, тетива запела, выпуская на свободу верную смерть. Миг и подстреленный зверёк заметался в траве. Пришпорив коня, рыцарь подъехал ближе, не спешиваясь, поднял за стрелу подрагивающую в агонии добычу и ловко приторочил к седлу. Ласточка тихонько заржала, Серкопоспешил вернуться к поджидавшей его неподалёку кобылице, тем самым вернув Агнице и Мечислава.

– Едем, сосновник ещё далеко, – ласково напомнила берегиня.

Мечислав кивнул, позабыв прежнюю обиду. Слишком хорошо было смотреть на милое, улыбающееся личико. Невозможно одной лишь улыбке её не простить все, что бы ни учудила его очаровательная хранительница.

Когда они добрались до хвойного леса, ночь уже накрыла небо ярким звездным пологом. Млечный путь едва заметно светился, рядом горели Плеяды, а над самой головой торжественно сиял царственный крест Лебеда. На севере виднелась Кассиопея в виде перевернутой заглавной буквы его имени и ярчайшая Капелла созвездия Возничего, мерцала то желтым, то красным. Все, как рассказывал когда-то в давнем отрочестве астролог князя. Ныне покойный старик, полюбивший Мечислава как родного сына, он часто водил его на стену подальше от сигнальных огней или на донжон, и там начинал рассказывать волшебные истории звезд, показывая их на небе. И про своенравную Капеллу, ныне будто подмигивающую: в точности, как его берегиня.

Мечислав обернулся к Агнице. Волшебная всадница светила во тьме, ее ниспадающие одеяния излучали мягкий свет, позволявший разглядеть не только саму чаровницу, улыбающуюся ему, едва он останавливал на ней взор чуть дольше, чем следовало, но и дорогу, уходящую вглубь бора, петляющую меж высоченными вековыми деревьями.

Вскоре широкий ручей пересек их путь, напоил путника, поспешившего наполнить полупустую флягу, и его увлечённого новым знакомством коня, всю дорогу тихонько переговаривавшегося с Ласточкой. Лес густел, обступал путников, закрывая небо игольчатыми кронами; вот уж и тропинка потерялась из глаз, потонув в непроглядной тьме.

Агница взмахнула рукой. Стайка светящихся белым пламенем шариков, точно пригоршня маленьких лун, выплыла из широкого рукава и, устремившись вперёд, рассыпалась по стволам, освещая путь. Стоило Серко проехать светлое место, огоньки, вспархивали с насиженных мест и перелетали дальше, выстраивались впереди яркую шеренгу.

Притихшие лошади, настороженно прядая ушами, вслушивались в шорохи обступающего их всё теснее исполинского леса, осторожно переставляя копыта. Неподальёку заухал очнувшийся от спячки филин, треснула обломившаяся ветка. Засвистела иволга, мяукнула и замолкла.

Древний лес и под пологом ночи полнился звуками. Ощущения уткнувшихся в него со всех сторон взглядов, пристально разглядывающих непрошеного гостя, сомкнуло рыцарю уста. Ведь он и раньше пробирался лесом, да только взор дремучего исполина, измотанный душевными терзаниями новик тогда не замечал. Лес исподволь приглядывался к вторгшемуся путнику, стараясь понять, чего ожидать от незваного гостя и его, творящей волшбу, спутницы.

Ощущение тут же пропало, будто сосновник принял решение пропустить рыцаря и отвернулся, утратив всякий интерес – в тот же миг, открывая перед Мечиславом свободную, устланную ковром из пожелтелых сосновых иголок поляну, расступились деревья.

Легко выпорхнула спустившись из седла, Агница обошла лужайку, приникла к одному из стволов, прислушалась. Уверившись, что всё спокойно, вновь взмахнула рукой. Освещавшие тропинку огоньки, рассыпавшись вокруг поляны, повисли на ветвях. Света было достаточно, чтобы Мечислав смог разглядеть каждую иголку.

Сквозь прозрачное одеяние Агницы проглядывали очертания нагого тела. У Мечислава перехватило дух.

– Вот и до ночлега добрались, – обернувшись, берегиня застала рыцаря врасплох, заставив залиться краской до кончиков ушей. – Вижу, чистоту свою Мечиславушка утратить не успел. Да ты не прячь стыдливо взоры, на призрака глядеть не грех. – И рассмеялась, повергнув новика в ещё пуще стеснение.

Мечислав спешил, наклонился стреножить Серко.

– Дай коню волю, всё одно от Ласточки никуда не уйдет, – остановила его Агница.

Рыцарь согласно кивнул, разложив на земле свои нехитрые пожитки, обошёл поляну в поисках подходящего места для костра, избегая глядеть в сторону нагой берегиницы. Нашел, нагрёб кучку сухих иголок, достал из-за пояса кресало, опустил на колени, а костерок возьми да и вспыхни сам собой, да так ярко, что чуть было брови не опалил. Смех разлился, разбежался по лесу.

– Надо же, испугался, – прыснула в рукав Агница, оказываясь прямо перед ним.

– А вот и нет, – насупился Мечислав и начал разделять зайца.

– Да, ты у нас бесстрашный, а на меня глядеть боишься, – на ухо шепнула берегиня.

– Не боюсь, – сквозь зубы процедил задетый за живое рыцарь и уверенно поднял глаза. Агница, усевшись напротив, принялась расчёсывать костяным гребнем длинные локоны. Мечислав тем временем освежевал тушку, засыпал солью шкурку, остро зачистил конец валявшейся неподалёку ветки, насадил зайца и стал искать рогатины, чтобы изжарить добычу на вертеле. Агница всё расчёсывалась, даже когда он, закончив приготовления, сел рядом с ней у костра.

Захотелось вновь слушать её голос, ласково, как никто прежде, называвший его Мечиславушкой. Однако нарушить тишину он отчего-то не решался. Агница сколола гребнем волосы и прилегла у самого костра.

Молчание становилось мучительным. Поворачивая добычу над костром, Мечислав то краснел, то бледнел, корил себя за никчёмную стыдливость, прожигая глазами ромашки, венчавшие прекрасную голову Агницы.

Когда ужин был готов, рыцарь встал на колени, прося благословения Спасителя. Когда, кончив молитву, рыцарь обернулся к костру – берегини там не было. Бесследно исчезли и освещавшие поляну огоньки пропали. Неужто Агница обиделась?

Он открыл флягу, сделал большой плоток сливовицы и вновь обошёл поляну. Тишина обуяла бор: ветер стих, вместе с ним исчезли все звуки. Костёр дотлевал, луна одиноким глазом застыла в зените, как бы намекая: пора отдохнуть.

Не чувствуя вкуса, рыцарь расправился с зайцем, постелил на землю плащ и, еще раз оглядевшись, смежил налившиеся усталостью веки, силясь представить лицо Иоанны. Вместо этого видел Агницу – невыразимо прекрасную в своей первозданной наготе, прикрытой лишь прозрачным одеянием. Не выдержав, Мечислав вскочил, вытащил ларец из сумы и открыл его:

– Агница! – Ларец остался безответным.

Но поляна осветилась, точно деревья и иглы под ногами обсели сонмы светлячков. Поднялся лёгкий ветерок, Мечислав услышал, нет, невозможно подобрать сравнения, то была тихая чарующая мелодия.

Музыка лилась отовсюду, будто пели земля и небеса, и сосны вокруг. Путник внимал с разинутым ртом, боясь пошевелиться и спугнуть очарование. На глаза навернулись слёзы. Верно, потому размытым белым пятном показалась Агница, упреждая каждый новый звук, ритмично взмахивающая рукавами. Он смотрел на стройное тело, до боли напрягая глаза, и сам не понял, как приблизился, попытался коснуться руки. Пальцы прошли насквозь. Агница вздрогнула, мелодия оборвалась.

– Как жаль, – едва слышно прошептал Мечислав.

– Тебе понравилось?

Он сдержанно кивнул.

– Не могу я без музыки жить, вот и изловчилась петть ветром в сосновых иголках. Да какая же это музыка? Так, баловство. Вот, если бы у меня была моя...

– Что? – переспросил Мечислав.

– Неважно что и нечего теперь об этом. Тебе выпастись надо, а тут я со своими разговорами, – Мечислав заметил, что Агница прячет слезу ему вновь захотелось обнять берегиню.

– Расскажи, всё легче будет.

– Не сейчас, Мечиславушка, – заставив душу рыцаря на этом слове запеть звенящей струной, взмолилась волшебница. – Говорить об этом больно, да и не к чему. Разве словами горю подсобить можно?

– Кто посмел тебя обидеть? – он настойчиво потребовал ответа, будто и вправду сейчас отправился бы в новый поход мстить обидчику.

– Ну что ты, это я сама, сама себя обидела, и... хватит. Ночь впереди долгая, тебе нужен отдых, утром снова в путь. Ты ложись, а я тебя баюкать стану, и будет тебе тепло и уютно. Спи.

Земля вдруг сделалась мягкой, будто на облако лёг. Агница села рядом и стала едва слышно его баюкать. Мечислав ощутил спокойствие и радость, давно его не посещавшие. Вдохнул тихонько, как в далеком детстве, и скоро забылся лёгким, прозрачным, точно кисейное покрывало, сном.

Вот только долго спать ему не пришлось. Где-то на середине ночи кисейное покрывало его берегини чуть приподнялось, сквозь сон послышался нервный всхрип Серко. Кажется, конь почуял чужого.

Глава 6

Сейчас или никогда...

Горизонт скрылся в туманной дымке. Слабый зефир, лениво трепля паруса, подгонял когг в сторону ливонских земель. Прошло уже три дня с момента отплытия, а Анджей все никак не мог привыкнуть к своему новому имени, к башмакам и ко всему происходящему на судне. Душа рвалась назад в ту самую рощу, где он так часто виделся с Габриэлей. Нн не пришел на свидание. Девушка, наверное, ждет. А может уже и забыла, ведь столько поклонников было до него и после будут.

Сердце кольнуло, как у давно не вспоминаемого Комы. Анджей поморщился и обернулся на когг. Ведь стоял на носу, у самого бушприта, неторопливо покачивающегося в такт лениво перекатывающимся волнам. Над головой трепыхался рейковый парус фок-мачты. Палуба пустовала, только в «вороньем гнезде» находился матрос, неведь что выглядывавший в синем мареве, впрочем, он там едва не ночевал. У тяжелого румпеля⁷ на кормовой надстройке недвижно стоял рулевой.

И тишина. Будто на корабле-призраке. Единственный раз Анджей слышал голоса матросов, когда когг выходил из Купеческой гавани и на Балтике разыгралось волнение. Менестрель, не привыкший к морским прогулкам, повис на леерах, склоняясь над пучиной, чувствуя, как содержимое желудка неудержимо просится на волю. Матросы, не обращая на него внимания, взбегали по вантам на реи, стягивали паруса, оставили лишь латинский на бизани, против упрямого встречного ветра, норовящего загнать когг обратно – уж лучше бы так и случилось!

Румпель рвало из рук рулевого, он позвал помощника; вдвоем навалившись на тяжелый деревянный руль, они равняли корабль по заданному курсу – Кудор оказался еще и лоцманом, – отдавал команды матросам на неведомом Анджею языке. Несколько коротких фраз – вот и все, что услышал менестрель. Когда волнение утихло, матросы разбрелись, приводя потрепавшийся такелаж в порядок, подняли паруса и снова исчезли в трюме. Потом появлялись то здесь, то там, словно тени, поправляя вооружение, стягивая и отпуская леера, безмолвно сменяя друг друга.

Герес тоже почти не удостаивал вниманием своего крестника. Только вечером после бури, когда Кальциген немного пришел в себя, он позвал менестреля в каюту. Анджею странно было слышать новое имя. Он не сразу сообразил к кому обращается хозяин, но Кудор пришел на помощь и, приоткрыв дверь покоя, поманил его рукой; менестрель встряхнулся и поспешил спуститься в опочивальню таинственного богача.

Впервые он видел подобное убранство. Нет, Анджей и прежде лицезрел изысканную отделку комнат, но те дома стояли на земле, а этот ходил по морю. Изнутри когг был обустроен настолько роскошно и вычурно, что его можно было смело назвать плавучим дворцом. Спустившись в каюту, Анджей замер на пороге, не решаясь войти во внезапно открывшиеся ему роскошные комнаты. Он много слышал о неземном богатстве Гереса, но то, что видел сейчас, стоило вдесятеро против того, что утверждали кабацкие байки.

Комната, куда Анджей попал поначалу, виделась как бы гостиной, чьи стены украшали дорогие шпалеры⁸ с изображениями неведомых животных, коих повергали доблестные воины в сверкающих доспехах или могущественные чародеи в одеждах цвета звездной ночи.

Надписи арабскими завитками сопровождали рисунки, но что именно означали сии письмены менестрель мог только догадываться. На низких столиках стояли золотые и серебряные

⁷ Рычаг, управляющий хвостовым рулем судна.

⁸ Безворсовый тканый настенный ковёр, позднее именующийся гобеленом.

вазы изящной чеканки и блюда, в которых находились неведомо как завезенные в эту даль кисти спелого винограда, источавшего дивный аромат, наливные яблоки, груши, персики и еще много неизвестных музыканту фруктов самых причудливых форм.

Хозяин поманил его дальше. Менестрель послушно прошел вслед за Гересом в его покои и не мог скрыть восхищения, едва слышно ахнув: открывшаяся комната наполнилась светом и жизнью – прямо напротив входа, а так же по стенам, потолку и полу, пролегал единый ковер столь изумительной отделки, что Кальциген, разглядывая его, невольно затаил дыхание.

Пустозвоны Купеческой гавани частенько говаривали о волшебном ковре, естественно, никогда в глаза не видя, бояли, будто это один из множества кусков знаменитого в былые столетия «Весеннего ковра» персидского царя Хосрова Первого, чьи ткачи создали громадное полотно в честь доблестной победы его войска над римскими легионами и завоевания Аравийского полуострова. После падения Персии новые арабские правители захватили в качестве военной добычи и это сокровище, а дабы не обидеть друг друга, разделили его на части. Ходили слухи, что не то сам старый хозяин когда, не то отец его отца – кто знает, сколько живут эти чернокнижники? – участвовал в дележе добычи и присовокупил центральную часть к своим богатствам. И она вместе с судном перешла к Гересу.

Вымысел это или правда, но ковер потрясал воображение. Земля на полотне вышита была нитями из золота, вода изображалась прозрачными драгоценными камнями. Цветы и плоды на множестве деревьев и кустов в свете зажженных свечей играли всеми возможными оттенками самоцветов, создавая удивительную иллюзию реальности – комната как будто раздавалась в стороны, и уже по лицу бежал легкий ветерок, а в ушах слышался шелест изумрудных листьев, плеск бирюзовой воды и щебет серебряных птиц.

Ступать по такому ковру Анджей осмелился, лишь обнажив ноги, на что Герес, заметив восхищенный взгляд ваганта, самодовольно качнул головой и провел его в центр комнаты. Возлегли на ложе подле малахитовых кустарников, повелел играть; менестрель облизнул пересохшие от волнения губы и вынул дудку. Волшебные звуки заполнили комнату. Герес шелкнул пальцами, музыканту стали вторить вышитые на ковре серебряные птицы, подобно колокольцам подхватывающие наигрыши его инструмента. Заплескалась вода, зашелестела трава. Комната ожила, повинаясь магии музыки или самого чародея, что полускрыв глаза вслушивался в каждую ноту. Затем, сколько времени минуло с начала игры Анджей не помнил, хозяин подал знак остановиться и знаком повелел ему удалиться. Дверь сама захлопнулась за спиной менестреля.

Одурманенный магией произошедшего, Анджей вернулся на палубу, где и остался с переполненной мыслями головой и непослушными ногами. Никак не мог прийти в себя.

Однако хозяин больше его не звал. Напрасно Анджей играл на дудке, проводя долгие часы рядом с покоями Гереса. Матросы тоже не обращали внимания на тщетные старания музыканта. Анджею казалось это каким-то мороком: он старался изо всех сил, но не получал взамен и сотой доли того обожания, что вызывали его выступления на рыночной площади Купеческой гавани. Это больно задевало менестреля: привыкший к всеобщему вниманию он поверить не мог, что простецы не польстятся на чарующие звуки музыки. Постепенно озлобление перешло и на Гереса, прогнавшего его, словно неудачливого школяра.

Один только Кудор приходил к нему, частенько являясь именно тогда, когда нареченный Кальцигеном особенно нуждался в добром слове. Возникал из ниоткуда в те самые мгновения, когда печаль окутывала Анджея, подобно густому туману. Выслушивал жалобы, кивал седеющей головой и большей частью молчал. Пока однажды не разоткровенничался вслед самому краснопевцу – сызнава застав его у носа, вглядывающимся в непроницаемую мглу.

– Я хорошо знаю Гереса, – изрек Кудор. – Я при нем и нянька, и мальчик на побегушках, и верный служка, и распорядитель, и виночерпий, и рассказчик, и слушатель.

Закончив эту фразу, Кудор смолк, боязливо оглянувшись на кормовую надстройку, однако, вопреки ожиданиям обоих, никто не нарушил их одиночества под парусом фок-мачты. Только один из матросов безмолвно проскользнул мимо, споро поднялся по вантам к «вороньему гнезду» и, сменив товарища, затих.

– Хозяин речистых не жалуется, – заметил старый служка и прибавил: – Гляжу, ты никак не привыкнешь, вчера вольным ветром был, а сегодня маешься и сохнешь по своей незабвенной.

Анджей передёрнуло не то от слов Кудора, не то от неотвязных воспоминаний, что неотступно преследовали, не давая покоя. Он уже собрался рассказать о тайне его сердца, да тут Кудора призвал внезапно явившийся Герес. Сжавшись от звука его голоса, старик побежал исполнять поручения.

Неприятный холодок закрался в душу Анджею, он заметил, как сильно Кудор боится владыку. Музыкант отвернулся, пряча красноречивый взгляд, и продолжил вглядываться в туманные дали, стараясь изгнать темные думы и сосредоточиться на чем-то ином, да хоть на Габриэле, покинутой в приступе странного вожделения дудки.

Девушка послушно предстала перед внутренним взором – совсем как живая, в березовой рощице, где, задумчиво склоняя голову, обнимала деревце, стройностью соперничавшее с неуступчивой прелестницей. Как там она сейчас? Помнит ли? Или забыла и теперь другой пытается... или все же смог, уговорил, нашел ключики от сердца?

Наутро Анджей услышал приглушенный деревянными стенами грубый разговор Гереса со своим слугой. Хозяин разносил Кудора на чём свет стоит, затем послышался громкий хлопок, слуга кубарем выкатился на палубу, едва не сбив с ног зазевавшегося ваганта. С трудом поднялся на ноги, прикрывая рассеченную скулу.

– Господин не в духе нынче, – пояснил Кудор, будто извиняясь.

– Он вроде и вчера таковым же был, – заметил Анджей, на что старик неохотно кивнул. – По себе знаю, как это терпеть бесконечные придирки. Так при княжеском дворе обучал меня музыке тамошний шут, чтоб ему еще раз в могиле перевернуться.

Кудор с интересом вгляделся в молодого человека.

– Значит, объяснять мне не придется, – твердо проговорил старик. – Да, хозяин бывает крут. Но отходчив.

– Мой тоже. Да только я не настолько...

– Он иной раз взбесится из-за пустяка, да потом одарит.

– По тебе не скажешь. Мой-то хоть пил горькую. А Герес...

– Ему незачем. Но слова поперек не терпит, уж поверь мне. Вот хоть матросов возьми, – и тут же замолчал, оглянувшись на хозяйские покои. Невесело усмехнувшись, добавил: – Команда подобралась такая. Кто не немой, тот либо хорошо молчать умеет, либо здоровьем поплатился за длинный язык. – И поджал губы, недовольно хмурясь, не рад что сболтнул лишнее. Анджей дрогнул.

– Ох, как бы спрыгнуть да прочь отсюда уплыть, – вздохнул он.

Кудор понимающе кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.